

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ  
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**  
(НИУ «БелГУ»)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ  
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ  
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ГОЛОД 1932 – 1933 ГГ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ  
ИСТОРИОГРАФИИ**

Выпускная квалификационная работа  
обучающейся по направлению подготовки 44.03.05. Педагогическое  
образование, профиль История и обществознание  
очной формы обучения, группы 02031203  
Севериновой Елены Александровны

Научный руководитель  
к.и.н., доцент  
Сергиенко М.А.

БЕЛГОРОД 2017

## Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Масштабы голода 1932-1933 гг. в отечественной историографии....	10
§1. Проблема голода в советской историографии .....	10
§2. Освещение проблемы голода в современной российской историографии .....	21
Глава II. Причины, масштабы, последствия голода 1932-33 гг. в зарубежной историографии.....	44
§1. Оценка голода 1932-1933 гг. в европейской историографии .....	44
§2. Вопросы голода в историографии США, Японии и Южной Кореи.....	56
Заключение .....	68
Источники и литература.....	71

## **Введение**

**Актуальность исследования.** Рубеж 1920 – 1930 х гг. и проводимые в это время в нашей стране социалистические преобразования во многом определили основные направления развития России в XX в., а так же значительно отразились на последующем ходе ее истории. Обеспечение населения страны продовольственными продуктами стало одной из главных задач большевистского руководства на всем протяжении его существования.

Особенно трагичной в этом отношении является страница нашей истории начала 1930-х гг., когда в СССР разразился массовый голод, унесший миллионы человеческих жизней и оказал огромное влияние на дальнейшее социально-экономическое развитие страны. Прошлое СССР представляет собой яркий пример того, как механизм продовольственного обеспечения путем народнохозяйственного планирования в силу исключительной сложности объекта управления далеко не всегда справлялся с поставленной задачей.

На сегодняшний день до сих пор остаются не до конца выясненными причины, масштабы, количество жертв голода 1932 - 1933 гг. Эта животрепещущая тема интересует исследователей по всему миру с середины 1930 - х гг. по настоящее время. Накопленный за этот длительный период историографический материал требует анализа, осмысления и классификации, что и определяет актуальность настоящего исследования.

**Объект исследования** отечественная и зарубежная историография по проблеме голода 1932 – 1933 гг.

**Предмет исследования** концепции и подходы в изучении проблем голода 1932 – 1933 гг. в отечественной и зарубежной историографии.

**Хронологические рамки исследования** Хронологические рамки данного историографического исследования ограничены периодом с 1933 г. по настоящее время. Нижняя граница определена временем выхода свет статьи английского журналиста Малькольм Магеридж, который первым

сообщил о голоде в СССР в своей статье. Верхняя граница определяется временем выхода трудов современных исследователей по проблеме голода 1932 – 1933 гг.

**Территориальные рамки** исследования включают в себя такие страны как СССР, Российская Федерация в современных границах, Украина, Италия, Франция, Великобритания, США, Япония, Южная Корея.

**Методологическую основу исследования** составили принципы историзма, объективности и научности, позволяющие провести беспристрастный историографического анализа проблемы голода 1932-1933 гг.

В работе применялись сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и структурно-функциональный методы, позволяющие проследить динамику развития историографической мысли по проблеме голода 1932-1933 гг. в СССР.

**Степень изученности проблемы.** Сегодня вопросы голода 1932 – 1933 гг. имеют достаточно обширную историографию, как в России, так и за рубежом. Ученые, их направления и проблематика исследований являются предметом рассмотрения в основной части работы. Вместе с тем, комплексные историографические работы по данной проблеме отсутствуют.

Единственной монографией, в которой содержится историографический анализ проблемы голода 1932 – 1933 гг. является работа В.В. Кондрашина «Голод 1932-1933 годов. Трагедия российской деревни»<sup>1</sup>. Работа освещает трагические события 1932-1933 гг. в СССР. Исследование базируется на широком комплексе источников, в нем автор дает характеристику причинам, масштабу и последствиям голода 1932-1933 гг. Историография вопроса здесь не выступает объектом исследования, ей посвящен лишь небольшой раздел, который не отражает весь накопленный

---

<sup>1</sup> Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов. Трагедия российской деревни. — М., 2008. — 520 с.

по проблеме историографический материал. Некоторые сведения по проблеме можно почерпнуть и из других работ В.В. Кондрашина<sup>1</sup>, но они так же представляют собой лишь изолированные замечания историографического характера.

Непосредственной работой посвященной историографии вопроса выступает статья М.В. Казьминой «Отечественная историография рубежа XX – XXI вв. о голоде 1932 – 1933 гг. в СССР»<sup>2</sup>. В своей работе автор систематизирует все существующие основные точки зрения, высказанные в отечественной историографии о проблеме голода. В отличие от данной работы, наше исследование охватывает большие хронологические и территориальные рамки.

Таким образом, сложившаяся историографическая ситуация, необходимость осмысления накопленного исследователями материала в России и за рубежом определяет выбор темы данного исследования.

**Цель исследования** – историографическое комплексное исследование проблемы голода 1932 – 1933 гг. с точки зрения развития отечественной и зарубежной исторической науки.

Цель исследования обуславливает следующие **задачи**:

- 1) проанализировать оценку голода 1932-1933 гг. в советской историографии;
- 2) охарактеризовать освещение голода 1932- 1933 гг. в современной российской историографии;
- 3) изучить характерные черты европейской историографии по вопросу голода 1932 – 1933 гг.;

---

<sup>1</sup>Кондрашин В., Пеннер Д. Голод: 1932—1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани) — Самара — Пенза, 2002. — 432 с.; Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 гг. в российской деревне. — Пенза, 2003. — 366 с.; Кондрашин В. В. Голод 1932-1933 годов общая трагедия народов СССР // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. - 2009. - №15. - С. 117 – 120.

<sup>2</sup>Казьмина М.В. Отечественная историография рубежа XX – XXI вв. о голоде 1932 – 1933 гг. в СССР // Вестник КемГУ. - 2014.- №3 (59). - С.122-125.

- 4) исследовать вопросы голода в историографии США, Японии и Южной Кореи.

**Источниковая база исследования.** Источники по теме исследования, в силу его историографического характера, включают работы отечественных и зарубежных историков – исследователей проблемы голода 1932 – 1933 гг. Историография же, в свою очередь, всецело зависит от письменных источников, поэтому, в работе историографического плана нельзя обойтись без характеристики основных источников по проблеме.

В своих работах ученые обращаются к документам центральных и местных архивов. Это, как правило, документы Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), а также региональных архивов Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Волгоградской областей и др.

Изучаются так же документы серийных изданий международных проектов по аграрной истории России первой половины XX в. Подготовленных к изданию под руководством В.П. Данилова: «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939»<sup>1</sup> и «Советская деревня глазами ВЧК «ОГПУ НКВД. 1918-1939»<sup>2</sup>.

Среди корпуса источников стоит отдельно упомянуть документы архивов ЗАГС. Эти источники позволяют исследователям проанализировать демографическую ситуацию деревни, в изучаемое время.

Важным источником для исследователей стали свидетельства очевидцев. В 1990-е гг. начинают публиковаться исследования, посвященные

---

<sup>1</sup> См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 — 1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Под ред. В. Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. — М., 1999 — 2006.

<sup>2</sup> См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Под ред. А.Береловича, В. Данилова. М., 2000.

теме голода 1932 – 1933 г., источниковая база которых, полностью или частично была представлена материалами устных опросов и социологических обследований. Наиболее ценными из них стали публикации результатов социологического исследования российских деревень, проведенного в рамках российско-британского научного проекта Московской высшей школы социально-экономических наук.

В. Кондрашин в своих исследованиях использует данные анкетирования и опроса свидетелей голода 1932-1933 гг. В сельских районах Поволжья и Южного Урала, с помощью специально составленной анкеты и магнитофонной записи были проинтервьюированы 617 очевидцев.

В качестве источниковой базы исследователи обязательно обращаются к статистическим данным, опубликованным в конце 1920-х - 1930-е гг. ЦСУ СССР, Госпланом СССР и РСФСР. Эти статистические сборники, содержат данные о развитии главных отраслей сельского хозяйства в регионах в изучаемое время<sup>1</sup>.

Также, нельзя не упомянуть, наряду с архивными материалами центральную и местную периодику. Так в своей работе мы обратились к работам западных журналистов, специалистов-аграрников, представителей левого движения, работавших в СССР в 1930-е гг. или посещавших страну с краткими визитами<sup>2</sup>.

Позицию государственной власти относительно голода 1930 – х годов можно исследовать по недавно опубликованным сборникам документов. Сборники содержат официальные документы и переписку личного характера И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. – М., Л., 1932 – 669 с.

<sup>2</sup> См.: Малколм Маггеридж Хроника загубленного времени // Отечественные записки. – №6 – М., 2013. – С. 273 – 292.; Дюранти Уолтер Кремль и народ (фрагмент) // Политика и лингвистика – №3 – Екатеринбург, 201. – С 268 – 273.

<sup>3</sup> См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925-1936 гг. (Сборник документов) / Под ред. Кошелева Л. и др. - М., 1996. — 302 с.; Сталин и Каганович. Переписка 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В.Хлевнюк, Р.У.Дэвис и др. - М., 2001. – 798 с.

Исследователи так же обращаются к воспоминаниям очевидцев голода из числа советских эмигрантов, оказавшихся в Канаде и США после окончания Второй мировой войны.

В целом данные источники не являются собственно объектом нашего исследования непосредственно, а служат основанием для рассматриваемых нами историографических концепций и подходов, которые будут изучаться в основном тексте исследования.

**Научная новизна исследования** определяется тем, что впервые предпринята попытка провести многосторонний анализ отечественной и зарубежной историографии по проблеме голода 1932 – 1933 гг.; проанализирован процесс формирования традиции изучения данной проблемы в отечественной и зарубежной историографии.

**Практическая значимость** исследования состоит в том, что его основные положения могут быть востребованы при написании обобщающих работ по истории XX в., характеристики проблемы голода 1932-1933 гг. в СССР. Основное содержание, результаты и выводы могут быть включены в лекционные курсы и спецкурсы по историографии отечества, а также при разработке дальнейшего исследования проблемы в отечественной историографии XX – начала XXI вв.

**Апробация** материалов и выводов работы была проделана в виде докладов на международных конференциях, а также отражена в 2 публикациях: 1. Северинова Е.А. История изучения голода 1932-33 гг. в СССР в европейской историографии // Вестник современных исследований. - 2017. - № 5-1 (8). – С. 17 – 23.; 2. Северинова Е.А. Проблема голода 1932 – 33 гг. в советской историографии // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: сб. ст. по материалам LXII Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории». – № 5(57). – М.: Интернаука, 2017. – С. 17 – 21.

**Структура работы.** Данная работа состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения списка источников и литературы.

## **Глава I. Масштабы голода 1932-1933 гг. в отечественной историографии**

### **§1. Проблема голода в советской историографии**

Общеизвестно, что тема голода 1932-1933 годов в советской историографии не была достаточно исследована. Можно сказать, что во временной период с 1930 - х. по 1980 – е эта тема была под запретом. Часто исследователи относят эту тему к одной из «белых пятен» истории.

Сборник статей, вышедший к 60-летию И.В. Сталина в 1940 году, был первой публикацией посвященной голоду. М.А. Шолохов писал, что под видом борьбы с саботажем у колхозников был изъят весь хлеб, в том числе и выданный авансом на трудодни, в результате чего «в колхозах начался голод». Правда, вина за это возлагалась не на центральное, а на краевое руководство Северного Кавказа<sup>1</sup>.

9 сентября того же 1940 года в разговоре посвященном фильму «Закон жизни» А. Авдеенко И.В. Сталин признал, что «у нас, например, миллионов 25-30 голодало, хлеба не хватало, а вот теперь стали жить хорошо»<sup>2</sup>. Однако, Сталин не указал ни причины голода, ни его виновников. Стоит заметить, что его речь содержащая информацию о голоде, не была опубликована в печати.

Исследования историков – аграрников, посвященные истории коллективизации, в том числе в Поволжье и на Северном Кавказе, в целом были выполнены в ключе государственной линии оценки политики коллективизации, социально экономического развития СССР и материального положения крестьянства в 1932 – 1933 годах.

Впервые официальная оценка И.В. Сталиным времени 1930 –х гг. была высказана в январе 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) и Первом Всесоюзном съезде колхозников–ударников в феврале – марте того

---

<sup>1</sup>Сталин И.В. К шестидесятилетию со дня рождения. - М., 1940. - С. 239.

<sup>2</sup> Там же. - С.241.

же года, согласно Сталину в 1933 году крестьяне «навсегда забыли о нищете, голоде и разорении» и «уверенно шли к зажиточной жизни»<sup>1</sup>.

Политика «хрущевской оттепели» существенно изменяет ситуацию. Во время хрущевской «оттепели» для ученых был открыт доступ к закрытым ранее фондам государственных и партийных архивохранилищ. В архивах историками были впервые проанализированы «земсводки», что было большим событием в исторической науке несмотря на ограниченное количество открытых источников. «Земсводки» несут в себе информацию по вопросам положения советской деревни в годы коллективизации. Данные сводки должны были уничтожаться и тот факт что они попали к исследователям свидетельствует о нарушении должностных инструкций некоторыми советскими руководителями<sup>2</sup>.

Условия запрета на исследования проблем 1932-1933 годов заставили советских историков освещать их в своих публикациях очень завуалировано. Так факт голода либо совсем замалчивался, либо говорилось лишь о трудностях хлебозаготовок 1931 – 1932 годов в стране. Подобные трудности объяснялись объективными причинами, среди которых можно отметить погодные условия, трудности организационно-хозяйственного становления колхозов, саботаж кулачества.

«Саботаж кулачества» в работах советских историков-аграрников приобрел статус одной из важнейших причин трудностей в процессе коллективизации. Советский историк С. П. Трапезников писал: «Подавляющее большинство колхозов Северо-Кавказского, Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев в 1932 году из-за кулацкого саботажа, воровства и хищения хлеба было лишено возможности оплатить

---

<sup>1</sup> Ленин и Сталин о труде. - М., 1941 – С. 43

<sup>2</sup> Документы ВЧК – ОГПУ – НКВД о советской деревне (1918–1939); Советская деревня глазами ВЧКОПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т / под ред. А. Береловича, Н. Верта, В. Данилова. – М., 1998. – С. 8.

выработанные колхозниками трудодни»<sup>1</sup>. Он отмечал, что «путем вредительства, уничтожения производительных сил, срыва государственных заданий, разложения трудовой дисциплины классовый враг и его агентура брали ставку на разрушение молодого только что возникшего колхозного строя»<sup>2</sup>.

Период, предшествовавший эпохе гласности в СССР, в отечественной историографии известен в первую очередь идеологической борьбой с так называемыми «буржуазными фальсификаторами» советской истории коллективизации. Подобный контекст был единственным доступным для советских историков. Большая Советская Энциклопедия в 1939 году содержала следующую информацию относительно Республики немцев Поволжья «исключительные успехи НП АССР являются блестящим опровержением гнусной клеветы фашистов о якобы царящем в республике голоде»<sup>3</sup>.

На начало 80 – х годов пришлось пятидесятилетие голода 1932-1933 гг. на Украине. На событие обратила внимание общественность Канады и США, в связи с этим в СССР выходит ряд публикаций посвященной этой трагической теме. В этих публикациях сообщалось об эффективной помощи предоставляемой Советским союзом для недородных районов Украины. «Очередная антисоветская пропаганда»<sup>4</sup> - так окрестили разговоры о голоде на Украине в этот период. Даже сам факт голода отрицался исследователями.

Вопреки тому, что трагедия 1932 - 1933 годов, длительный период замалчивалась в советской исторической литературе. Публикации посвященные процессу коллективизации, выходившие в период с 1930 - х.

---

<sup>1</sup>Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. - Т. 2. - М., 1974. - С. 389.

<sup>2</sup>Трапезников С. П. Коллективизация крестьянских хозяйств и организационно-хозяйственное укрепление колхозов – 1927 – 1934 гг. - М., 1951. - С. 23.

<sup>3</sup> Большая Советская Энциклопедия. - Т. 41. - М., 1939. - С. 593 – 604.

<sup>4</sup> Социально-экономическое развитие деревни Среднего Поволжья в период социализма. - Казань, 1986. - С. 6 – 10.

до первой половины 1980-х годов, содержат сведения, касающиеся голода 30-х годов и поэтому представляют значимость для исследователей.

Согласно установившейся в отечественной историографии периодизации истории коллективизации, голод 30-х гг. принято соотносить с началом укрепления колхозов в организационно-хозяйственном плане и завершением, в целом, процесса сплошной коллективизации. Этому периоду было посвящено множество статей, монографий, коллективных трудов. Эти работы дают характеристику процессу коллективизации, колхозному производству, общественно-политическому развитию советской деревни. Данные размеров посевных площадей, урожайность, валовые сборы и заготовка сельскохозяйственных культур, численность скота, работа советских партийных органов в сельской местности, политотделов МТС и другие факты были приведены в обозначенных выше трудах. Общеизвестно, что подобные данные, несомненно, заслуживают доверия<sup>1</sup>. Эти факты используются для более полного освещения ряда аспектов исследуемой проблемы например для уточнения положения сельского хозяйства в стране и регионе в изучаемый период. Так же подобные факты активно используются в установлении причин голода 1932 - 1933 гг., в СССР и регионах.

В исследовании проблемы голода и коллективизации исследователи обращаются к «Очеркам истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках»<sup>2</sup> под редакцией В.П. Данилова, которые вышли на закате периода «хрущевской оттепели». В книге впервые дается критический анализ хлебозаготовок 1932 – 1933 года и указывается на непосредственную ответственность Сталина, а так же людей его окружавших за их проведения<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup>Зеленин И. Е. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. - М., 1963 – С. 56

<sup>2</sup> Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках: Сб. ст. / Под.ред. В.П. Данилова. - М., 1963.

<sup>3</sup>Зеленин И. Е. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. - М., 1963. - С. 54 – 56.

Также для специалистов, занимающихся изучением голода 1932 – 1933 годов представляет интерес, «Краткий очерк истории» советского крестьянства. Книга была подготовлена в секторе истории советского крестьянства и сельского хозяйства СССР Института истории СССР АН СССР и издана в 1970 году. В очерке было отмечено, что хлеб выдаваемый в 1932 году за работу в колхозах в действительности «не мог покрыть потребности крестьянского хозяйства». Этот тезис опирался на результаты проведенных расчетов баланса хлеба для колхозной семьи по хозяйственным итогам 1932 года<sup>1</sup>.

Проблема голода в Поволжье и на Украине была поднята в работах ученых М. Алексеева и И. Стаднюка<sup>2</sup>. Алексеева голод коснулся лично в 1933 году в Поволжье. Благодаря этому он сумел достаточно правдиво отобразить трагедию в своих автобиографических исследованиях<sup>3</sup>. Стоит отметить, что писатели сумели опубликоваться в период запрета на эту тему.

Советский историк Б. Ц. Урланис<sup>4</sup> один из первых указал количество жертв голода 1932 – 1933 гг. По авторским расчетам, количество населения в январе 1933 г. должно было достигнуть цифры в 167, 7 млн. человек. Однако реальная цифра, как считает исследователь, была только 160, 7 млн., а по состоянию на 1 апреля 1933 г. - 158 млн. человек. Так, по подсчетам автора, население в краткий период с января по апрель 1933 г. уменьшилось на 2,7 млн. человек.

Рубеж 1980-х – 1990-х гг. знаменует начало нового, современного этапа в развитии историографии России по аграрной тематике. Отечественные ученые продолжают искать пути к объяснению причин кризиса в аграрном секторе экономики СССР в 1930 –е гг. Решающий фактор в активизации исследований в направлении аграрной истории стала

---

<sup>1</sup> Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917 – 1969). - М., 1970. - С. 276.

<sup>2</sup> Стаднюк И.Ф. Исповедь сталиниста. – М., 1993. – 224 с.

<sup>3</sup> Алексеев М. Хлеб – имя существительное // Звезда. - № 1. – М., 1964 - С. 37

<sup>4</sup> Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. - М., 1974. - С. 310.

политика гласности и демократизация общественно-политической жизни страны. Завершение периода идеологической диктатуры государственной власти а также «архивная революция» сделали для исследователей возможным активное изучение многих ранее замалчиваемых проблем. В результате 1990 – е гг. считаются временем активизации интереса к аграрной истории СССР от исследователей. Публикуется большое количество статей и монографий, сборников документов полностью или отчасти посвященных теме голода в центральных, а также местных изданиях.

После начала в Советском союзе политики гласности историки СССР получили возможность обращаться к истории голода 1932 – 1933 гг. Данная тема сразу стала актуальной среди историков. В периодике появляется значительное число статей посвященных этой проблеме<sup>1</sup>.

На государственном уровне к факту голода обратились впервые в докладе генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на мартовском 1989 года пленуме ЦК партии<sup>2</sup>. Среди причин в докладе отмечаются насильственные методы и форсированные темпы сплошной коллективизации, волюнтаристического вмешательства в процессы производства, обмена и распределения, а кроме того – засуха.

В эпоху перестройки впервые факт голода 1932-1933 гг. был упомянут в отечественной историографии в изданном в 1986 втором томе И. Е. Зеленина «Истории советского крестьянства»<sup>3</sup>.

Попытка хотя бы примерно вычислить общие демографические потери от голода была предпринята В. В. Цаплиным<sup>4</sup>. В своих расчетах автор использовал статистические данные ЗАГСов 1930-х гг. Анализ этого

---

<sup>1</sup>Щербак Ю. Царь – Голод // Собеседник. - № 49 – М.,1988. – С.38 - 42

<sup>2</sup>Горбачев М. С. Об аграрной политике КПСС в современных условиях. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева 15 марта 1989 г. // Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 15 – 16 марта 1989. – М., 1989. - С. 41.

<sup>3</sup>Зеленин И.Е. История советского крестьянства. - Т. 2. - М.,1986. - С. 256- 265.

<sup>4</sup>Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы//Вопросы истории. - №4 – 1989. – С.175 - 181

источника показал, что в период 1927-1931 гг. ежегодно в среднем умирало 2, 6 млн. человек. Далее в 1932 - 1933 гг. показатель смертности увеличился до 4 млн. человек. На основе полученных данных историк приходит к выводу, что в 1932 –1933 гг. зарегистрировано не менее 2,8 млн. (1, 4 млн. - ежегодно) случаев смерти от голода и его последствий. Если показатель суммировать с 1 млн. незарегистрированных смертей, то общий показатель жертв голода и его последствий, согласно В. В. Цапину, составляет 3, 8 млн. человек. Стоит отметить, что работа ЗАГСов в 1930 – е гг. не всегда характеризуется положительно в отражении смертности, что так же следует учитывать.

Проводя анализ архивных материалов УНХУ РСФСР за 1930 – е гг. Е. А. Осокина, пришла к выводу, что показатели по демографии ЦУНХУ за 1933 г. несколько завышены, и содержат недоучет смертности органами статистики<sup>1</sup>. По данным ЦУНХУ, смертность населения, которая была зарегистрирована официально, составила 5, 7 млн. человек в 1933 г.

Однако, необходимо учитывать, что в показатели смертности входят не только гибель от голода, но и других факторов не связанных с ним. Поэтому, при подсчете необходимо учитывать смертность населения именно от голода. Более точные подсчеты требуют продолжения изучения архивного материала, в том числе из архивов НКВД. При этом важна роль региональных исследований, благодаря которым можно уточнить количество жертв голода<sup>2</sup>.

До 1985 гг. коллективизация в СССР в целом оценивалась как важное событие, которое открыло дорогу к повышению уровня жизни советским крестьянам, потери же от процесса интерпретировались как последствия «перегибов», «искривлений партийной линии». Смена взглядов на проблему в отечественной историографии связана со следующими

---

<sup>1</sup>Осокина Е.А. За фасадом сталинского изобилия. – М.,1999 – 271 с.

<sup>2</sup>Цапин В. В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов//Вопросы истории. - 1991 - С. 157

обстоятельствами: политикой перестройки и гласности, в результате которой, исследователи смогли открыто высказывать свои идеи; увеличением документальной базы, это поспособствовало публикации ранее неизвестных источников; были опубликованы переведенные на русский язык труды иностранных ученых (в частности, Р. Конквеста), публикация стала стимулом для обсуждения наиболее спорных проблем, связанных с колхозным строительством. В методологическом плане происходит переход от монизма к плюрализму во взглядах на исторический процесс<sup>1</sup>.

Конец 1980-х гг. ознаменовался началом публикаций источников еще не введенных в научный оборот. Одним из первых (1989 г.) был опубликован сборник «Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне коллективизации. 1927 –1932 гг.». В дальнейшем это исследование было продолжено как в масштабах страны, так и на уровне регионов<sup>2</sup>.

Такие знаменитые исследователи как В. П. Данилов, И. Е. Зеленин, Н. А. Ивницкий в ряде своих статей затронули тему голода 1932-1933 гг. В этих работах были обозначены основные регионы СССР, пострадавшие в 1932 – 1933 гг. от голода. Историки выявили первопричины голода. Кроме этого они установили что причины были продолжением сталинской политики: процесса хлебозаготовок 1931 – 1932 гг. и колхозного строительства<sup>3</sup>. В дальнейшем работы этих историков были ведущими в российском историческом пространстве. Труды историков были эталоном для российских специалистов<sup>4</sup>. Среди авторов так же необходимо выделить исследования Н. А. Ивницкого, который считается общепризнанным в

---

<sup>1</sup> Kazmina M. V. Russian historiography of the turn of 20 Th 21 ST centuries about the 1932 1933 famine in the USSR // ВестникКемГУ. 2014. - №3 (59) – Кемерово, 2014 - С.123

<sup>2</sup> Там же - С.123

<sup>3</sup> Данилов В.П. Октябрь и аграрная политика партии // Коммунист. 1987. - № 16. – М.,1987 С. 35 – 36

<sup>4</sup> Данилов В. П., Роберта Маннинг, Линн Виола. Редакторское вводное слово // Трагедия советской деревни. - Т. 1. – М.,1999. - С. 7–12

научном мире авторитетом в области советской истории коллективизации<sup>1</sup>. Кроме выше обозначенных историков, на наш взгляд, необходимо упомянуть и о других ученых. Без трудов этих исследователей невозможно объективно анализировать историю советской коллективизации и голода 1932 – 1933 гг. Это такие авторы как М. А. Вылцан, Е. А. Осокина, Э. Н. Щагин и другие<sup>2</sup>.

В работах упомянутых авторов была выявлена альтернативная точка зрения на проблему голода 1932–1933 гг. в СССР. Суть её заключалась в том, что голод 1932–1933 гг. – это горе затронувшее все советское крестьянство, было результатом осуществлявшейся в Советском союзе сталинской модели форсированной индустриализации, которая обусловила насильственный процесс коллективизации и принудительный характер заготовок сельхозпродукции, прежде всего хлебозаготовок, ради увеличения объемов экспорта хлеба и удовлетворения потребностей растущей промышленности

Большую роль в активизации исследований голода 1932 – 1933 гг. сыграл съезд историков-аграрников и публицистов, посвященный проблемам коллективизации, который состоялся 24 октября 1988 гг. в редакции журнала «История СССР». На встрече ученые обозначили круг наиболее важных вопросов, среди которых причины, масштаб, последствия голода. Исследователи определили основную задачу дальнейшей исследовательской работы – путем привлечения широкого круга источников изучить конкретно-исторический материал<sup>3</sup>.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. время когда российские историки начинают активно разрабатывать демографический аспект проблемы. Первым исследователем заострившим внимание на данном аспекте стал В. П. Данилов. Он призывал научное сообщество сконцентрироваться на

---

<sup>1</sup> *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) – М.1996 - 288с.

<sup>2</sup> *Анфимов А. М., Вылцан М. А.* Российский кулак: реальная фигура или идеологический миф? // Новые страницы истории Отечества. Межвузовский сборник научных трудов. - Пенза, 1992. - С. 143 – 149

<sup>3</sup> Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за круглым столом // История СССР. – №3 – М.,1989. – С. 51 – 55.

объективном подсчете количества жертв голода 1932 – 1933 гг. Так же, В. П. Данилов первым из российских историков, указал, что голод 1932 – 1933 гг. можно охарактеризовать как спланированную акцию, объясняя это тем, что уровень сельскохозяйственного производства, погодные условия не повлияли на его наступление. По мнению автора, голод 1930 – х явился «самым страшным преступлением Сталина, той катастрофой, последствия которой сказывались во всей последующей истории советской деревни»<sup>1</sup>.

В 90 – е годы XX в. российские ученые наиболее активно начинают разрабатывать демографический аспект проблемы голода, в том числе и в региональном аспекте. Историкам удалось провести анализ материалов всех довоенных переписей (включая «расстрелянную 1937 года») и официальной статистики естественного и механического движения населения в 1930–е годы. Результатом работы стало появление серьезных публикаций на эту тему, в которых, подвергались сомнению высокие показатели числа жертв голода 1932 – 1933 гг., приведенные в ряде работ западных исследователей. В первую очередь, речь шла о работах «популярного в России» Конквеста<sup>2</sup>.

Таким образом, в период советского прошлого существовал запрет на исследование трагедии голода 1932 – 1933 гг. В этих условиях, отечественные историки, говоря о трагедии голода в своих исследованиях должны были замалчивать сам факт голода, либо только упоминать трудности хлебозаготовок, говорить 1931 – 1932 гг. в основных зерновых районах страны.

С началом правления Н.С. Хрущева ситуация изменяется. В период оттепели для ученых стали открыты фонды государственных и партийных архивов. Историки впервые получили доступ к документам содержащим данные о коллективизации деревни. Начало в СССР политики гласности

---

<sup>1</sup>Данилов В. П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932 – 1933 гг. и «демографической катастрофе» 30 – 40-х гг. в СССР // Вопросы истории. – №3 – М.,1988. - С. 121.

<sup>2</sup>Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза, 1922 – 1991. - М., 1993 – С.81 - 83

вновь позволило историкам обратиться к истории голода 1932 – 1933 гг. Тема вновь стала очень актуальной для исследования. На страницах периодики появляется множество статей об этом неоднозначном этапе отечественной истории. Конец 1980-х годов отмечен публикацией источников ранее не введенных в научный оборот. Таким образом, советская историческая наука по вопросу голода 1932-33 гг. прошла долгий путь от замалчивания проблемы, до ее всестороннего анализа с применением большого корпуса источников.

## **§2. Освещение проблемы голода в современной российской историографии**

В 1990–е годы события коллективизации и голода 1932-1933 гг., а также вся аграрная политика Советского государства были осмыслены отечественными историками. Период коллективизации 1930–х годов, в том числе сталинский голод, рассматривался в общем контексте взаимоотношений коммунистов и крестьянства.

Исследователи пришли к выводу что крестьянская (антикрестьянская ) политика Советского правительства, имела перед собой цель эксплуатации деревни, выкачивание из нее ресурсов ради индустриальной модернизации страны. Крестьяне оказались людьми «второго сорта», «сырым материалом» для строительства социалистического строя. Индустриализация СССР была осуществлена ценой колоссальных жертв и лишений советского крестьянства. Вполне обоснованным продолжением аграрной политики СССР стал голод 1932-1933 г. Исследователи неоднократно указывали на преступный характер сталинской аграрной политики, которую нельзя оправдать никакими политическими целями. Последствия хлебозаготовок и коллективизации вообще негативным образом сказались на всей последующей истории советского общества и привели его к гибели<sup>1</sup>.

Самым масштабным и важным событием в отечественной исторической науке в последнее десятилетие XX в. стала публикация документов по истории России ушедшего столетия, и особенно советского периода. «Предоставить слово документу» – так можно охарактеризовать это направление в современной российской историографии. Само по себе выражение «предоставить слово документу» имеет долгую историю, но говоря об аграрной тематике, можно сказать, что его авторство принадлежит крупнейшему российскому историку-аграрнику В. В. Кабанову<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup>Бурдуков П. Стратегия голода и земельный вопрос. - М., 1995. – С. 72

<sup>2</sup>Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. – М., 1997.

Большую роль в успехе «нового направления» сыграл процесс рассекречивания большой массы архивных дел, ранее недоступных для исследователей. В историографии процесс получил название «архивная революция»<sup>1</sup>. 90-е годы в России отмечены выходом в свет множества документальных сборников, которые были посвящены и затрагивали историю кохозного строительства и голода 1932 – 1933 гг.<sup>2</sup>. Особенно важным было то, что сборники содержали в себе документы опубликовать которые в советские годы было невозможно<sup>3</sup>.

На рубеже 1990-х – 2000-х гг. происходит одно из самых значимых событий в российской историографии, публикуется серия документальных сборников, посвященных истории коллективизации и жизни советской деревни в 1930–е годы, сборники имели общее название «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939». Эти публикации увидели свет путем совместных усилий отечественных и зарубежных ученых. Возглавили этот большой исследовательский коллектив ведущие специалисты по теме голода – В. П. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола<sup>4</sup>. Было опубликовано пять томов сборников, впервые для исследователей стали доступны уникальные, ранее не доступные исследователям материалы, характеристика причин, ход и последствия коллективизации<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Кондрашин В. В. Плюсы и минусы современного исторического краеведения в России // Отечественная культура и развитие краеведения: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. - Пенза, 2000. - С. 87.

<sup>2</sup> Документы и материалы по аграрной истории России (X – XX вв.) / Под ред. В. М. Долгова. – Вып.2 - Саратов, 1996. - С. 145 – 151

<sup>3</sup> Данилов В. П. Кондрашин В. В. Перечень сборников документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства СССР, опубликованных с 1957 г. по 1998 г. // Трагедия советской деревни. Т. 1. - М., 1999. - С. 765 – 767.

<sup>4</sup> Тархова Н. С. История крестьянства в российских документальных публикациях за последние 15 лет // History of Russian Peasantry in 20th Century. Tokyo, 2004. P. 118 – 138;

<sup>5</sup> Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы - Т. 1. - М., 1999. – С. 80

Сборники содержат большое количество источников из местных и центральных архивохранилищ. Документы позволяют воссоздать полную картину главных событий коллективизации и голода 1932 – 1933 гг. Очень важными являются документы Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ). Документы содержат уникальную информацию советской деревне и ее реакции на аграрную политику государства в годы колхозного строительства. Документы впервые опубликованные в сборниках показывают персональную роль Сталина и всего советского руководства в процессе реформирования деревни. Обозначенные выше сборники предоставляют читателю большой массив документов, вышедших непосредственно из крестьянского общества. Подобные документы позволяют исследователю гораздо лучше разобраться в крестьянском восприятии аграрной политики государства. В третьем томе серии находятся данные посвященные периоду 1931 – 1933 гг. Таким образом, размещенные документы, раскрывают обстоятельства голода, характеризуют его как результат насильственного процесса коллективизации и неразрывно связанных с ней принудительных хлебозаготовок<sup>1</sup>.

В контексте исследуемой темы, следует отметить теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития», организованный под эгидой Института российской истории РАН и «Интерцентра» Московской высшей школы социально-экономических наук (МВШСН), руководителем которого является В. П. Данилов. В ходе данного семинара ученые-аграрники, в том числе зарубежные, на протяжении 1990-х годов рассматривали самые актуальные вопросы крестьяноведения, связанные непосредственно с историей аграрных преобразований в России в XX в.

Кроме этого, важнейшие проблемы аграрной истории были обсуждены на ежегодном международном симпозиуме «Куда идет Россия?»,

---

<sup>1</sup> Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы - Т. 3. Конец 1930 – 1933. - М., 1999. – С. 64

который проходил в МВШСН. Историческую секцию симпозиума возглавил В. П. Данилов<sup>1</sup>. Одним из крупнейших событий для отечественных историков, изучающих проблему голода 1932 – 1933 гг., стал семинар «Современные концепции аграрного развития». Семинар был посвящен обсуждению доклада Стивена Уиткрофта и Роберта Дэвиса «Кризис в советском сельском хозяйстве (1931 – 1933 гг.)»<sup>2</sup>. Участники семинара сошлись на мнении, что причины голода необходимо искать в сочетании факторов политических, социально-экономических и природно-климатических.

В период 1980 – 1990-х годов и в последующее время совершаются первые наиболее важные шаги в изучении темы голода 1932 – 1933 гг. в отдельных регионах бывшего Советского союза. Выходит в свет множество работ посвященных трагедии 1932 – 1933 гг. на Украине, Северном Кавказе, в Белоруссии, Казахстане и других регионах<sup>3</sup>.

К истории голода обращаются и казахские историки. В своих публикациях они доказывают, что в начале 1930-х годов Казахская АССР пережила подлинную трагедию. Бездумная политика насильственной коллективизации, а также чрезмерные госпоставки привели к разорению казахских крестьян, результатом стала массовая миграция в Китай, в результате голода погибли сотни тысяч жителей Казахстана. Стоит отметить что взгляд казахских ученых соответствует парадигме российских историков на события голода 1932-1933гг.<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup>В.П. Данилов Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. - М, 1994 – С.45

<sup>2</sup>Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У. Кризис в советском сельском хозяйстве(1931–1933гг.).

Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. – М.,1998.–С.95–96

<sup>3</sup>Кульчицкий С. В. Некоторые проблемы истории сплошной коллективизации на Украине // История СССР. - № 5 – М.1989. - С. 33

<sup>4</sup>Михайлов В. Ф. Хроника Великого Джута: Документальная повесть. - Алма-Ата, 1989 – С. 54

На общесоюзный характер голода 1932 – 1933 гг. указывают и работы исследователей Республики Беларусь<sup>1</sup>. Белорусские историки пришли к выводу, что в первой половине 1930-х годов голодом были охвачены, как правило, южные районы Белоруссии. Исследователи подробно изучили документы Национального архива Республики Беларусь и подвергли анализу воспоминания очевидцев. Вывод к которому пришли историки – у населения сформировалось стойкое представление о голоде как итоге неграмотной аграрной политики государства. Согласно подсчетам историков, «только в одном Наровлянском районе за 1932 – 1933 годы от голода умерло до 1000 человек».

Если говорить об исследовании темы голода в российских регионах, то нельзя не упомянуть историка из Ростова-на-Дону Е.Н. Осколкова<sup>2</sup>. Используя в основном материалы местных архивов, он сумел всесторонне изучить события голода 1932-1933 гг. на Дону и Кубани, автору удалось доказать насильственный характер хлебозаготовок и всю тяжесть голода, наступившего в регионе.

В целом, местные историки в один голос говорят о связи голода в 1932 – 1933 гг. в зерновых районах страны и процесса коллективизации, политики хлебозаготовок. В начале 1990-х годов ученые проводят первые расчеты демографических потерь в период описываемых событий по отдельным регионам страны<sup>3</sup>.

О голоде 1932 – 1933 гг. в Поволжье впервые пишет один из самых авторитетных историков-аграрников И. Е. Зеленин<sup>4</sup>. В своих публикациях он охарактеризует процесс хлебозаготовительной кампании

---

<sup>1</sup>В.В. Скалабан О голоде в Республики Беларусь // Родина. - 2007. - № 9. - С. 84

<sup>2</sup>Осколков Е. Н. Хлебозаготовки и голод гг. в Северо-Кавказском крае // Донской юридический институт: Ученые записки. Памяти Е. Н. Осколкова (К 75-летию со дня рождения). - Т. 16.- Ростов-на-Дону, 2001. - С. 6 – 95.

<sup>3</sup>Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. - Часть 1. Донецк, 14 – 16 мая 1991 г. - М., 1991. – С. 38 – 39,

<sup>4</sup>Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации. // Проблемы устной истории в СССР. - Киров, 1990. - С. 18—22.

1932 года на Нижней Волге и работу там в декабре 1932 года комиссии ЦК ВКП (б) по вопросам хлебозаготовок, возглавлявшийся секретарем ЦК партии П. Постышевым.

Согласно Зеленину, политика Постышева на Нижней Волге носила «несколько иной характер по сравнению с тем, что осуществляли Каганович и Молотов на Северном Кавказе и Украине». Автор считает, что крестьянство Нижней Волги в меньшей степени пострадало от голода, чем сельское население Украины, Северного Кавказа и центральных районов Казахстана.

В ноябре 1989 года в Москве состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция, которая была посвящена проблеме довольно актуальной проблеме советских немцев. В ходе конференции было впервые публично заявлено, что немецкое население Поволжья тяжело пострадало «от принудительной коллективизации, изъятия зерна и последовавшего голода»<sup>1</sup>.

Среди российских регионов тема голода 1932-1933 годов наиболее интенсивно изучалась, в конце 90-х начале 2000-х годов, судя по количеству публикаций, в ЦЧО, Поволжье, Сибири на Урале. Стоит отметить что для региональных историков не остались незамеченными международные проекты ученых аграрников по истории первой половины XX в<sup>2</sup>.

Участие в подобных проектах повлияло на профессиональный рост в первую очередь самих участников, в том числе и отечественных историков изучающих проблему голода 1932-1933 гг. Так, например, В. В. Кондрашин, с помощью региональных материалов подтвердил основные гипотезы разработанные в проектах «Трагедия советской деревни». Так например,

---

<sup>1</sup>В.Г. Чеботарева Советские немцы: история и современность // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Москва, 15 – 16 ноября 1989 г. - М., 1990. - С. 37.

<sup>2</sup>Кондрашин В. В. Влияние международных проектов по аграрной истории России XX века на развитие региональной историографии // Материалы международной научно-практической конференции «Моя Малая Родина». – Вып. 4. – Степановка – Пенза, 2007. – С. 28 – 41.

автор связывает голод 1930 – х со сталинской политики насильственной коллективизации и неразрывно связанных с ней принудительных хлебозаготовок<sup>1</sup>.

По его мнению, тяжелый кризис сельского хозяйства и как результат массовый голод населения основных зерновых районов страны, в том числе Украины, были вызваны отнюдь не природными катаклизмами, а являлись прямым результатом сталинской аграрной политики.<sup>2</sup> Историк ведет активную борьбу в СМИ и научных изданиях, в том числе за рубежом, против идей современных украинских историков и политиков о «геноциде голодомором» в 1932–1933 гг. украинского народа<sup>3</sup>. В своих работах по теме автор активно отстаивает позицию, что голод 1932-1933 гг. является общей бедой для всего СССР. Эти события должны не разделять, а напротив помочь объединению народов. В 2002 году совместными усилиями с американским профессором Д. Пеннер и В.В. Кондрашин издали монографию о голоде 1932–1933 гг. в советской деревне построенную на материалах Поволжья, Дона и Кубани. Опираясь на широкий корпус разнообразных источников, авторы сумели показать, почему и как произошла эта трагедия. Проблема рассматривается в контексте мировой истории борьбы с голодом<sup>4</sup>.

Больших успехов изучении истории голода 1932-1933 гг. добилась Н. С. Тархова. Будучи одним из главных археографов документальных изданий международных проектов В. П. Данилова, Тархова провела глубокий и всесторонний анализ документальных материалов сборников серии «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД». Н. С. Тарховой была подготовлена докторская диссертация

---

<sup>1</sup>Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни.- М.,2008. – 519с.

<sup>2</sup>Кондрашин В.В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России. Материалы международной конференции. - М., 1995. - С. 115 – 123

<sup>3</sup>Кондрашин В. В. Был ли голод 1932 – 33 годов в Украине геноцидом украинского народа? // Проблемы социально-политической и экономической истории России. - Пенза, 2004. - С. 53 – 64

<sup>4</sup>В. Кондрашин, Д. Пеннер. Голод: 1932 – 1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). - Самара – Пенза, 2002. – С. 68

на тему: «Красная армия и коллективизация советской деревни»<sup>1</sup>. Автор впервые в исторической науке выдвигает положение о том, что Красная Армия была полностью (за исключением отдельных случаев) изолирована властью от участия в коллективизации, по причине того, что по своему составу она была крестьянской. Активное использование армии в крестьянской стране против крестьянства могло иметь для власти непредсказуемые последствия. В связи с этим из под удара репрессий были выведены семьи красноармейцев: они получили специальные льготы от государства и т. п.

Исследования Н. С. Тарховой, в целом выполненные в русле традиций международных проектов, объясняют причины успешного проведения в СССР сталинской коллективизации и выхода режима из голодного кризиса. Согласно мнению Тарховой успех советской аграрной связан с тем, что насилие над крестьянством осуществляли прежде всего органы ОГПУ, а не части Красной армии, укомплектованные в большинстве своем выходцами из крестьянской среды

Отдельно стоит упомянуть труды С. А. Красильникова. Автор сумел достигнуть высоких результатов в исследовании темы голода благодаря участию в проектах В. П. Данилова. Участвуя в проектах, Красильников совместно с Даниловым готовит серию сборников посвященную спецпереселенцам в западной Сибири. В 2003 году под авторством Красильникова выходит обобщающая монография о крестьянской ссылке в 1930-е годы. Опираясь на достоверные источники автор сумел рассмотреть весь комплекс проблем спецпереселенцев в Западной Сибири, в том числе он обращает внимание на тяжелое положение последних в период голода начала 1930-х годов<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup>Тархова Н. С. Армия и крестьянство: Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928 – 1933 гг. - М., 2006. - С 51.

<sup>2</sup>Красильников С. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. - М., 2003. – С.48

Среди сторонников и продолжателей идей международных проектов следует назвать и такого крупнейшего историка-аграрника, как Геннадия Егоровича Корнилова.<sup>1</sup> Он является учеником одного из самых авторитетных участников международных проектов, сподвижника В. П. Данилова, профессора И. Е. Зеленина. Корнилов является инициатором ежегодного проведения крупных международных конференций на тему: «Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: история и современность», на базе Оренбургского государственного педагогического университета. Активное участие в конференциях принимают ведущие историки-аграрники из регионов, в том числе участники международных проектов. Тема голода 1932-1933 годов на Урале стала актуальна во многом благодаря усилиям Г.Е. Корнилова<sup>2</sup>. Стоит отметить, что историки Урала первыми из региональных исследователей стали рассматривать проблему голода как часть более общей проблемы - продовольственной безопасности региона и страны в XX в.

Под редакцией Г.Е. Корнилова и В.В. Маслакова были выпущены библиографический указатель и сборник документов «Продовольственная безопасность Урала в XX веке». Работа проведенная уральскими учеными заслуживает самой высокой оценки<sup>3</sup>.

Учеником Корнилова Е.Ю. Барановым были подготовлены публикации посвященные аграрному производству и продовольственному обеспечению населения Уральской области в 1928 – 1933 гг. Автор дает всесторонний

---

<sup>1</sup> Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII – XX веках./ гл. ред. Г. Е. Корнилов. - Оренбург, 2006 – С. 73

<sup>2</sup> Давлетшин Р. А. “Великий перелом” и трагедия крестьянства Башкортостана. - Уфа, 1993. – С.50

<sup>3</sup> Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928 – 1934 гг.: Сборник документов и материалов. - Т. 1. - Оренбург, 2005. – С.45

анализ обстановки, сложившейся в уральской деревне 1930 – х годов, и характеризует ее как крайне тяжелую<sup>1</sup>.

Исследование причин и социально-экономических последствий голода 1932 – 1933 гг. в Центральном – Черноземном районе было проведено воронежским историком П.В. Загоровским и тамбовским исследователем С.А. Есиковым. Данные работы стоит особенно выделить среди работ региональных историков, учеными был проведен глубокий анализ многочисленных архивных источников<sup>2</sup>.

В последние десятилетие XX в. и вплоть до наших дней историками Поволжья ведут работу по изучению событий коллективизации и голода 1932-1933 годов<sup>3</sup>. Исследователями была составлена карта голода, куда были занесены районы Среднего и Нижнего Поволжья наиболее пострадавшие в 1932-1933 гг.. Исследователи подробно изучили региональную специфику коллективизации.

Работы историков республики Мордовия Т. Ф. Ефериной<sup>4</sup>, О. И. Марискина<sup>5</sup>, Т.Д. Надькина<sup>6</sup> показывают особенности коллективизации и голода в Среднем Поволжье. Наиболее активную работу в этом направлении

<sup>1</sup>Баранов Е. Ю. Документы Уралобкома ВКП(б) и облисполкома как источник по голоду 1932 – 1933 гг. на Урале // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XXI столетий. - Екатеринбург, 2000. - С. 335 – 338

<sup>2</sup>Загоровский П. В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х гг. - Воронеж, 1998 – С. 38

<sup>3</sup>Балакин Д. Б., Кондрашин В. В. Карта голода 1932 – 1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. - Екатеринбург, 1992 г. - С. 78 – 79;

<sup>4</sup>Ефериная Т. В. Крестьянская община в период коллективизации (по материалам ЦГА РМ) // Проблемы истории Мордовского края. - Саранск, 1993 – С. 45 - 49

<sup>5</sup>Марискин О.И. Налоговая политика и сплошная коллективизация сельского хозяйства в СССР: по материалам Среднего Поволжья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011.- № 6–2. - С. 121–124.

<sup>6</sup>Надькин Т. Д. Коллективизация и голод в 1930-х гг. // Репрессии 1930-х гг. в Мордовии и их последствия. – Саранск, 2004. – С. 172 – 181

проводят Т. Д. Надькин и Н. Е. Каунова, успешно защитившая кандидатскую диссертацию о голоде в начале 1930-х годов в Средне-Волжском крае<sup>1</sup>.

Казанские историки А. Г. Галямова и Р. Н. Гибадулина составили сборник документов, посвященный положению республики Татарстан в начале 1930 – х годов<sup>2</sup>.

Исследователь из г. Саратов А.А. Герман считается наиболее крупным исследователем голода 1932 – 1933 гг. в Республики Немцев Поволжья. Автор приходит к обоснованному выводу, что этот голод «привел к крупной гуманитарной катастрофе» АССР НП. Главную причину голода Герман видит «в крайней неэффективности экономической системе советского социализма, в презрении большевистской власти к интересам и судьбам конкретных «маленьких» людей». По мнению автора слабое место в теории сторонников «геноцида» заключается в абсолютизации истории своего народа(украинцев, немцев). Часто историки не стремятся провести объективный сравнительный анализ положения своего народа и положения других народов СССР, таким образом действуют в отрыве от исторического контекста. А. А. Герман утверждает что в основе сталинской политики в отношении народов СССР лежал «пресловутый классовый подход и коммунистические доктринальные установки», таким образом, исследователь выступает против абсолютизации национального фактора в политики сталинского режима<sup>3</sup>.

Тема голода 1932 – 1933 гг. в Поволжье была отражена в краеведческой литературе. Среди историков краеведов следует выделить работы М. С. Полубоярова. В публикациях используется корпус источников, еще не

---

<sup>1</sup>Каунова Н. Е. Голод в начале 1930-х гг. в Средне-Волжском крае - Самара, 2005 – С.35-41

<sup>2</sup> «Альметьевское» дело. Трагические страницы из истории крестьянства Альметьевского района (конец 20-х – начало 30-х гг.): Сб. док.и материалов / Составители: А. Г. Галямова, Р. Н. Гибадулина. - Казань, 1999- С.24 - 27

<sup>3</sup>Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918 – 1941. Часть II. Автономная республика 1924 – 1941. - Саратов, 1994 – С.37 - 41

получивший на тот момент широкого распространения в научной литературе(документы архивов ЗАГС, воспоминания очевидцев)<sup>1</sup>.

Историками Сибири, при изучении проблемы коллективизации и голода, основное внимание было сконцентрировано на двух направлениях: политике раскулачивания и демографических потерях сибирской деревни в начале 1930-х гг. Отдельно стоит отметить работы Н. Я. Гущина<sup>2</sup> и В.А. Исупова<sup>3</sup>. Публикации содержат взвешенные оценки демографических последствий коллективизации и голода в Западной Сибири. Выводы основываются на глубокой проработке источников.

В конце XX в. выходят в свет работы посвященные истории коллективизации и голода 1932-193 гг. в Европейском Севере России. Продовольственное обеспечение деревни не удостоено специального внимания исследователей. Круг интересов историков ограничен процессом коллективизации как таковым. Особенно серьезно были изучены государственные повинности и материальное положение колхозников единоличников в деревне в 1930 – е годы<sup>4</sup>.

В Северо-Кавказском регионе сложилась другая историографическая обстановка. Наиболее серьезными работами по рассматриваемой теме были написаны Е. Н. Осколковой<sup>5</sup> и Д. Пеннер. Историки изучают, комментируют и вводят в научный оборот письма М.А. Шолохова Сталину о

---

<sup>1</sup>Мошнин Н. И., Полубояров М. С. История Малосердобинского района. - Пенза, 1989. - С. 77 – 88

<sup>2</sup>Гущин Н. Я. Коллективизация в Сибири (некоторые проблемы и уроки) // Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность. - Новосибирск, 1991. - С. 92 – 94

<sup>3</sup>Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Исто-рико-демографические очерки. - Новосибирск, 2000. - 244 с.

<sup>4</sup>Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930 – 1960-х годах. - Вологда, 2001- С.24 - 31

<sup>5</sup>Осколков Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае – М.,2000 – С.24-28

хлебозаготовках 1932 года и голоде 1933 года<sup>1</sup>, как известно, письма получили большой общественный резонанс.

Последние публикации И. Е. Зеленина<sup>2</sup> и А. В. Шубина<sup>3</sup> стали заметным явлением в исторической литературе. Так, например, И. Е. Зеленин опубликовал монографию, в которой автор пытается подвести итог изучению истории коллективизации, основываясь на анализе материалов документальных серий международных проектов В. П. Данилова «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД». Голод 1932 – 1933 гг., автор характеризует как «великий голод», «организованный голод» и приходит к выводу, что он не был обусловлен какими-либо природными факторами. По оценке Зеленина события общекрестьянского голода во всех регионах которые он затронул, были, по существу, идентичны.

«И если уж характеризовать голодомор 1932 – 1933 гг. как «целенаправленный геноцид украинского крестьянства», на чем настаивают некоторые историки Украины, - пишет Зеленин, - то надо иметь в виду, что это был геноцид в равной мере и российского крестьянства – Дона и Кубани, Поволжья, Центрального Черноземья, Урала, и особенно скотоводов и земледельцев Казахстана – крестьянства всех регионов и республик СССР»<sup>4</sup>.

Серьезным подходом и всесторонним анализом проблемы отличаются работы А. В. Шубина<sup>5</sup>. Автор вполне обоснованно приходит к выводу, что голод 1932 – 1933 гг. это «результат выбора сталинской группы, который мы должны правильно оценить». Выбор правящей верхушки был обусловлен конкретно-исторической ситуацией, в которой находился СССР на рубеже

---

<sup>1</sup>Шолохов М. «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти» (Публикация Ю. Мурина) //Родина. 1992. - № 11 – 12.- М.,1992 - С. 51 – 57

<sup>2</sup>Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930 – 1939: политика, осуществление, результаты. - М., 2006. - С. 120.

<sup>3</sup>А.В. Шубин 10 мифов советской страны.- М., 2006. – 416 с.

<sup>4</sup>Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930 – 1939: политика, осуществление, результаты. - М., 2006. - С. 120.

<sup>5</sup>А.В. Шубин 10 мифов советской страны.- М., 2006. – 416 с.

1920-х – 1930-х гг. Необходимость проведения в Советской России индустриальной модернизации обозначенная в экономической стратегии сталинского руководства привела к возникновению этой исторической обстановки. А. В. Шубин справедливо пишет: «Либо сколько-нибудь успешное завершение индустриального рывка, либо нехватка ресурсов и полный экономический распад, гигантская незавершенка, памятник бессмысленному распылению труда. И, конечно, крах Сталина. Для того чтобы закончить рывок, достроить хоть что-то, Сталину нужны были еще ресурсы, и он безжалостно забрал их у крестьян. Вопреки распространенному мифу не найдено доказательств, что Сталин «устроил» голод, чтобы замучить побольше народу. Думаю, и не будет найдено». Историк опровергает число жертв на Украине и выдвигает цифру погибших непосредственно от голода в 1-2 млн. человек. При этом в других регионах Поволжье, Северный Кавказ, Сибирь, Казахстан потери можно исчислять сотнями тысяч людей в каждом. По мнению ученого, число жертв голода 1932 – 1933 гг. в СССР исчисляется в «коридоре» 2 – 3 миллиона человек»<sup>1</sup>.

Завершая историографический обзор необходимо обратить внимание на следующие положения. Российскими историками была проделана большая исследовательская работа по исследованию обстоятельств трагедии 1932 – 1933 гг. Главная заслуга, отечественных исследователей, заключается во введении в научный оборот большого корпуса источников по данной теме, а также их обработка в контексте исторического развития России в XX в. Историки сумели убедительно доказать неприятие крестьянством коллективизации и активное сопротивление ей в силу антикрестьянской направленности аграрной политики государства. Они сошлись во мнении относительно насильственного характера коллективизации и хлебозаготовок и трагических последствий этого процесса для простого крестьянства. При этом ученые имеют разные взгляды относительно понятий «рукотворный» и

---

<sup>1</sup>Шубин А. 10 мифов Советской страны. // Родина. 2007. - №8 - М, 2007. - С. 88 – 89.

«организованный» голод, а также на мотивы которыми руководствовался сталинский режим при проведении аграрной политики<sup>1</sup>. Часть историков выдвигает версию, что «рукотворный голод» представлял собой часть «общей политики государства применительно ко всему крестьянству (шире – к народу в целом), а не только к кулачеству», то есть – имел явно антинародный характер<sup>2</sup>. Сам термин «рукотворный голод» объясняется в литературе следующим образом: «О том, что голод носил рукотворный характер, а не был связан исключительно с засухой 1932 года, свидетельствуют следующие факты.

Государственные заготовки хлеба в стране в 1932 году составили 1181,1 млн. пудов (83 процента от уровня заготовок в 1931 году), а в 1933 году выросли до 1444,5 млн. пудов. Таким образом, государство располагало запасами, необходимыми для прокорма голодного населения. Вместо этого за 1931 – 1932 гг. было экспортировано около 70 млн. пудов зерна».

Термины «рукотворный», «организованный голод», подчеркивают возникновение процесс в результате деятельности людей, политиков, а не в связи с природными катаклизмами. Таким образом, голод является прямым продолжением политики коллективизации и процесса хлебозаготовок, проводимые конкретными властными органами под руководством ЦК партии, правительства СССР и лично Сталина<sup>3</sup>. До сих пор вопрос о правомерности данной терминологии остается открытым. Большинство российских историков объясняют мотивы сталинской политики коллективизации и хлебозаготовок потребностями индустриальной модернизации страны, необходимостью срочного решения зерновой проблемы. В то же время, вопрос о влиянии на аграрную политику Сталина,

---

<sup>1</sup> Отечественная история. 1994. № 6. С. 95 – 109.

<sup>2</sup> Попов В.Ф. Хлеб под большевиками // Новый мир. - № 8. - М., 1997. - С. 182.

<sup>3</sup> Зеленин И. Е. Введение (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. - Т. 3. - М., 1999 - С. 34

в том числе во время голода 1932 – 1933 гг., международной обстановки не получил еще должного освещения в литературе.

Некоторые исследователи считают голод 1932 – 1933 гг. переломным моментом в почти тысячелетней истории российского крестьянства. Организованный для поддержания форсированных темпов промышленной модернизации государства, он «нанес смертельный удар крестьянству», после которого его «возрождение» как класса стало уже вряд ли возможно<sup>1</sup>. После этих событий обратный путь к крестьянской России, с преобладанием мелких, единоличных, натурально-потребительских хозяйств, был закрыт. Крестьянское общество с традиционным укладом быта разрушилось с началом коллективизации и последовавши за этим голодом.

В связи с этим после событий 1932 – 1933 гг. мы видим совершенно другую страну и «другое» крестьянство<sup>2</sup>. Однако, не все исследователи придерживаются этой точки зрения. Так например, И. Е. Зеленин имеет свой взгляд на голод 1932 – 1933 гг. и считает что трагедия коснулась только четверть всего сельского населения СССР, причем трагедия коснулась в основном главных зерновых районов страны и поэтому не может иметь столь значительных последствий. Помимо этого, руководство страны в 1933 – 1935 гг. пошло на уступки колхозникам и единоличникам, и разрешило им развивать личное подсобное хозяйство. В связи с этим, Зеленин считает, что о наступлении «конца крестьянства» так в России говорить нельзя, и задача его «возрождения» оставалась актуальной в последующие годы, в том числе в период хрущевских реформ<sup>3</sup>.

Региональные работы, по теме истории коллективизации и голода 1932 – 1933 гг., судя по публикациям, опираются на выводы ведущих столичных специалистов. Однако ценность подобных исследований заключается в

---

<sup>1</sup> Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.)/Отв. ред. Данилов В.П., Милов Л.В - М., 1996. - С. 120.

<sup>2</sup> Там же С. 379 – 380.

<sup>3</sup> Зеленин И. Е. Введение (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. - Т. 3. – М., 1999 - С. 31.

конкретизации общеизвестных тезисов с помощью материалов провинциальных архивов. При этом, важно отметить бедность региональной историографии обобщающими трудами по теме коллективизации и голода, содержащими глубокий и всесторонний анализ.

Кроме этого, вывод о совпадении в оценках российских и зарубежных исследователей на основные события 1932-1933 гг. имеет по нашему мнению важнейшее значение. Мнения историков основываются на большой источниковой базе, и именно поэтому совпадение взглядов очень ценно. Подобное явление говорит о плодотворности и целесообразности научной дискуссии ученых разных стран занимающихся изучением историей России, в том числе голода 1932 – 1933 гг. как на общероссийском, так и региональном уровне.

Интерпретировать события голода 1932 – 1933 гг. как политику «голодомора» или «геноцида», а также абсолютизировать национальный фактор в сталинской аграрной политике, на наш взгляд, абсолютно неприемлемо. Основу трагедии составляют социально-экономические и политические причины, прежде всего связанные со сталинским вариантом промышленной модернизации СССР. Подтверждением данного тезиса служат многочисленные работы отечественных и зарубежных историков, а также конкретно-исторический материал.

Ведущим отечественным специалистом по теме голода начала 1930 – х гг. является В.В. Кондрашин, в его работах отечественная и зарубежная историография по теме представлена наиболее полно<sup>1</sup>. Предисловие недавно изданного третьего тома фундаментального документального издания «Голод в СССР. 1929–1934» В.В. Кондрашина содержит информацию о наличии в историографии разных оценок численности жертв голода 1932–1933 гг.. Оценки исследователей варьируются в рамках от 3 до 10 млн.

---

<sup>1</sup>Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР - М.,2011 – С. 10-35

человек. Наиболее точными и достоверными, реально отражающими масштабы и региональные особенности голода Кондрашин считает расчеты приведенные С. Уиткрофтом. Ссылаясь на С. Уиткрофта, В.В. Кондрашин говорит о важности данных ЦУНХУ по регистрируемому в РСФСР, УССР и БССР населению за этот период. Сверх смертность в результате голода, в 1933 г. по сравнению с предшествующим периодом (нормальным уровнем) составила 3,5 млн чел. В регионах СССР неохваченных учетом ЦУНХУ (Казахстан, Средняя Азия, Дальний Восток и т.д.) этот показатель составляет около 1,5 млн. чел. Среди жертв голода отмечаются такие категории населения, как заключенные Гулага и спец поселенцы, т.д., потери в этой категории оцениваются примерно в 600 тыс. чел. В результате голода в СССР в 1933 г. могли умереть 5,6 млн чел., избыточная смертность, прямые жертвы голода. Показатель дефицита рождаемости в этом году в стране находился на уровне в 3 млн. чел., косвенные жертвы голода. В результате общие демографические потери СССР исчисляются числом не менее 8 млн чел.<sup>1</sup>

Отечественным историком-демографом В.А. Исуповым в монографии «Демографические кризисы и катастрофы в первой половине XX века» вопрос о демографических последствиях голода в СССР был рассмотрен на основе источников и наработок, которыми располагала историография по данной теме<sup>2</sup>.

Проведя анализ «Конъюнктурного обзора движения населения СССР за 1930–1934 гг.», созданного в декабре 1934 г. статистиками ЦУНХУ СССР, и, получившего гриф «Совершенно секретно», был получен показатель естественной убыли населения СССР в 1933 г. в размере 1,7 млн. человек, число рожденных в 1931– 1933 гг. было сокращено в 1,5 раза при этом число умерших выросло в 1,8 раза. На основании полученных данных ученый

---

<sup>1</sup> Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. / Отв. ред. В.В. Кондрашин. - Т. 3 – М., 2013 – С.43 - 47

<sup>2</sup> Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века//Историко-демографические очерки. - Новосибирск, 2000 – С.87–89

приходит к выводу, что статистические расчеты о воспроизводстве населения, использовавшиеся советскими статистиками, не смогли отразить реальную ситуацию.

Отечественный исследователь В.А. Исупов приходит к выводу об уменьшении размеров сверх смертности. Попытка провести анализ показателей воспроизводства населения в «период демографической катастрофы 1933 г.», предпринятая Е.А. Осокиной, оценивается Исуповым достаточно критически. Осокина, зная о неточности статистической информации 1930 – х годов, не внесла необходимых поправок, и не сумела получить окончательный ответ о количестве жертв голода. По материалам ЦУНХУ, изученным Е.А. Осокиной, естественная убыль населения, в 1933 г., проявившаяся в Украине, Северном, Средне-Волжском, Нижне-Волжском, Северно-Кавказском краях, Уральской и Центрально-Черноземной областях, составила в целом 1,6 млн чел., а по доисчисленным статистиками тех лет данным – 1,3 млн чел.

В.А. Исупов склоняется к тому, что демографическая ситуация была более сложной, депопуляцией была охвачена большая территория страны. Наиболее обоснованные коррективы в статистику воспроизводства внесли, по мнению автора, демографы Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. По данным историков естественная убыль населения в СССР в 1933 г. составляет 5905 тыс. чел. (36,9%), показатель средней продолжительности жизни понизилась до 11,6 лет, а смертность достигает, по мнению В.А. Исупова, «апокалипсической отметки» в 72%, превышая показатель смертности в годы революции и Гражданской войны.

Исупов считает, что «если принять количество умерших в 1932 г. за некоторую условную «норму», то демографическая катастрофа и порожденная ею сверх смертность в 1933 г. унесли жизни почти 7 млн чел.»

Следует отметить, что В.А. Исупов характеризуя кризисные явления в демографической сфере применяет термины «демографический кризис» и

«демографическая катастрофа». По мнению историка, демографический кризис обусловлен падением рождаемости. Следствием процесса может быть значительное сокращение показателя естественного прироста вплоть до отрицательных величин. Уровень смертности, при этом, может не изменяться или незначительно повыситься, чаще всего наблюдается замедление темпов прироста, нулевой прирост или медленное сокращение численности населения, и кризис может быть растянут во времени. Демографическая катастрофа отмечается «отчетливо выраженными депопуляционными процессами» в результате резкого роста смертности, это «мощное, но кратковременное событие», неотъемлемой чертой события «является резкое падение численности населения»<sup>1</sup>. В.А. Исупов называет голод и сопутствующие ему эпидемии демографической катастрофой, которая характеризуется вымиранием населения<sup>2</sup>.

Одной из ведущих отечественных историков-демографов В.Б. Жиромской в ряде работ была рассмотрена демографическая ситуация в начале 1930-х гг. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день ученые выявили «достаточно полную географию» голода 1932–1933 гг. Процесс охватывает главные зерновые районы Советского союза: Украина, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, значительная часть Центрально-Черноземной области, Казахстан, Западная Сибирь, Южный Урал. Исследователь приходит к выводу, что общие потери населения от голода 1932–1933 гг. в СССР, включают в себя сверх смертность, дефицит рождаемости, безвозвратную миграцию за пределы страны, и насчитывают более 7 млн чел.

Как отмечает В.Б. Жиромская, оценки потерь нельзя считать абсолютно точными. В первую очередь это связано с тем, что учет в этот период был неполным и не все смерти регистрировались. Прежде всего, это

---

<sup>1</sup> Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века//Историко-демографические очерки. – Новосибирск, 2000 – С. 9-10

<sup>2</sup> Там же С. 89–93

касается беженцев из «голодных регионов». В тоже время она приводит уже устоявшиеся в историографии оценки людских потерь, которые в Украине составили 3–3,5 млн чел. (С.В. Кульчицкий, Н.А. Ивницкий, в Казахстане – около 2 млн чел. (Ж.Б. Абылхожин, М.К. Козыбаев, М.Б. Татимов; А.Н. Алексеенко; Ш. Батырбаева), в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) – не менее 2–2,5 млн чел. (Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьковская; В.Б. Жиромская). Исследователь делает вывод о том, что голод 1932 – 1933гг. унес около 7 млн чел. Однако, примечательно, что показатели прироста населения в это время имеют отрицательное значение. Эта ситуация стала результатом значительного роста смертности и резкого снижения рождаемости. Такие показатели были зафиксированы, как в сельской, так и в городской местности<sup>1</sup>.

Автор считает, что показатели смертности в этот период поднимаются до 60, а в некоторых районах достигают 70%. Последняя монография В.Б. Житомирской - «Основные тенденции демографического развития России в XX веке» исследуется проблема отрицательных социальных фактов (голода в том числе) на ход демографического перехода. Исследователь выделяет несколько фаз демографического перехода, которые связаны с понижением смертности. Автор указывает на затянутость первой фазы в России вследствие экзогенных причин<sup>2</sup>. В.Б. Жиромская прослеживает последствия голода 1932 – 1933гг. по всесоюзной переписи населения 1937 г. Прежде всего убыль населения выявляется в пострадавших от голода районах, которые не успели «восстановить численность потерянного населения»<sup>3</sup>.

Мнения историков относительно трагедии голода, в том числе его демографических последствий, проходят процесс эволюции, становятся значительнее документально аргументированными, системно и

---

<sup>1</sup>Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960/Отв. ред. Ю.А. Поляков. - М., 2009. - С.295

<sup>2</sup>Жиромская В.Б. Указ. Соч. – С. 301 -302

<sup>3</sup>Жиромская В.Б. Голод 1932–1933 гг.: Людские потери // Голод в СССР. 1929– 1934: в 3 т. / Отв. ред. В.В. Кондрашин. - Т. 3- М.,2013 - С. 651– 718.

инструментарно обоснованными. В.В. Кондрашин, ссылаясь на российских демографов в начале 1990-х гг., оценивает сверхсмертность 1933 года в 7 млн чел. Автор указывает, что прямые потери населения в Украине могут колебаться от 3 до 5 млн чел., а в Казахстане 1750–1758 тыс. чел. погибло от голода и 2 млн чел. мигрировало в 1931–1933 гг. В.В. Кондрашин, исследуя тему голода 1932–1933 гг. отмечает, что общие демографические потери крестьянства в Поволжье составляют до 1 млн чел. В диссертационном исследовании (1991 г.) автор приводит цифру – около 1047,8 тыс. чел., среди которых 213,1 тыс. крестьян умерло от голода и сопутствующих ему болезней, дефицит рождаемости 1932–1934 годов он оценивает в 162,2 тыс. чел., остальные – население мигрирующее в города и другие районы страны<sup>1</sup>. В 1990-е гг. исследователь приходит к мнению о возможности оценки демографических потерь от голода в СССР в 5–7 млн чел

Итак, конец двадцатого века известен как период активного осмысления и переосмысления отечественными исследователями не только изолированных проблем голода 1932 – 1933 гг., но и всего комплекса вопросов связанных с политикой Советского государства в аграрной сфере за весь период его существования. Одним из самых важных событий в отечественной истории исторической науки 90-х годов стал ввод в научный оборот документов по истории России XX в., в том числе и по советской истории. Стоит отметить, что в 1990-е – начале 2000-х годов, тема голода в СССР 1932 – 1933 гг. наиболее активно исследовалась на Урале, в ЦЧО, Сибири и Поволжье. Несомненно, что на труды местных историков оказали непосредственное влияние итоги международных проектов по аграрной истории России первой половины XX в.

Таким образом, взгляды ученых на проблему голода, в том числе его демографических последствий, эволюционируют, они становятся все более

---

<sup>1</sup>Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья - М., 1991. – С.19 - 20

документально аргументированными и, если так можно выразиться, системными и инструментально обоснованными.

## **Глава II. Причины, масштабы, последствия голода 1932-33 гг. в зарубежной историографии**

### **§1. Оценка голода 1932-1933 гг. в европейской историографии**

Историк Станислав Кульчицкий сообщает, что первым о событиях голода в СССР написал английский журналист Малькольм Магеридж в декабре 1933 года. Автор анализирует ситуацию, увиденную им во время поездок по Украине и Кубани, в трех очерках в издании *Manchester Guardian*<sup>1</sup>.

Магеридж говорит о массовой гибели крестьян, однако им не были названы конкретные цифры. Советское правительство отреагировало на первую статью журналиста запретом посещать пораженные голодом территории страны. В марте этого же года сенсационные открытия Магериджа попытался опровергнуть корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Уолтер Дюранти. Статья автора называлась «Русские голодают, но не умирают от голода»<sup>2</sup>.

Когда проблема голода начинает шире освещаться в американской прессе, Дюранти подтверждает факт массовых смертей от голода. Сам Дюранти получил известность благодаря тому, что единственным из иностранных журналистов сумел взять интервью у Сталина и получил Пулицеровскую премию за свою деятельность. В настоящее время, некоторые украинские активисты требовали, чтобы Пулицеровский комитет посмертно забрал у Дюранти эту престижную журналистскую награду, однако этого не произошло.

В 1980-е гг. создается Международная комиссия по расследованию голода 1932 – 1933 гг. на Украине, инициатором создания выступает

---

<sup>1</sup>*Малколм Маггеридж* Хроника загубленного времени//Отечественные записки. – №6 – М,2013. – С. 273 – 292.

<sup>2</sup>*Дюранти Уолтер* Кремль и народ (фрагмент)//Политика и лингвистика – №3 – Екатеринбург, 201. – С 268 - 273

всемирный конгресс свободных украинцев для расследования и изучения массового голода на Украине в 1932 — 1933 годах<sup>1</sup>.

Причиной создания Комиссии как неправительственного органа стала дискуссия развернувшаяся вокруг фактов, говорящих о намеренно созданом голоде на Украине в 1932-33 гг.. Основой комиссии послужила структура проекта Устава Комиссии по расследованию, которая была одобрена на 60-й конференции Ассоциации международного права, состоявшейся в Монреале (Канада) 29 августа — 4 сентября 1982 года.

Всемирный конгресс свободных украинцев в 1984 году выступил с инициативой создания Комиссии и обратился к ряду юристов и учёных-правоведов во всем мире с просьбой принять участие в расследовании голода, на Украине в 1932—1933 гг. Свое согласие на работу дали: полковник Джеральд И., А. Д. Дрейпер, профессор права в Сассекском университете, бывший прокурор на Нюрнбергском процессе; профессор Джон П.Хамфри, Макгилский университет (Канада), бывший директор отдела прав человека Секретариата ООН (1946—1966); профессор Джордж Левассер, Парижский университет, бывший член комиссии по пересмотру французского уголовного кодекса (1981—1986); профессор Риккардо Левене, Буэнос-Айресский университет (Аргентина), бывший председатель апелляционного суда, ныне президент верховного суда Аргентины; профессор Ковсей Т. Оливер, Пенсильванский университет (США), бывший посол в Колумбии, профессор Джейкоб В. Ф.Сандберг, Стокгольмский университет (Швеция); профессор Джо Верховен, Католический университет Лувэна (Бельгия).

12 февраля 1988 года состоялось первое организационное совещание членов Комиссии в Торонто, Канада.

---

<sup>1</sup> Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932—1933 годов. Итоговый отчёт 1990 г. — Киев —1992

Управление Комиссией осуществлялось созданным 14 февраля 1988 г. попечительским Фондом Комиссии, управлением фондом осуществлялось финансовым комитетом. Попечителем Комиссии выступила, Юридическая фирма г-на Денниса Морриса в Торонто, на должности дополнительных служащих Фонда были приглашены г-н Сандберг и г-н Хантер. Работники комиссии не получали зарплату, однако за каждый день заседания им полагались суточные.

Гарантией непредвзятости и независимости Комиссии было предоставление Советскому Союзу возможности участия в слушаниях. 13 февраля 1988 г. исполнительным председателем Комиссии официальным письмом был приглашен председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков, для содействия отправке на заседания соответствующих государственных служащих, лица и группы лиц из СССР. Кроме этого Комиссией, для соблюдения исторической достоверности, был запрошен доступ для работы в определенных архивах и с публичными материалами в СССР. Ответа от Рыжкова так и не поступило. Однако Юрий Богаевский, первый секретарь Посольства СССР в Канаде, получив копии письма предложил свои комментарии для Комиссии. Комментарии содержат письма от 1 марта 1988 г. и 23 января 1989 г.

Для того чтобы сделать слушанья более сбалансированными, и повысить непредвзятость и независимый характер Комиссии учреждается должность генерального адвоката. Создатели стремились придать слушаниям скорее состязательный характер, чем инквизитивный, генеральный адвокат выполнял функции противовеса при слушании истца и его адвоката. Тем самым, Генеральный адвокат, таким образом, представлял собой оппозиционную сторону при этом в значительной степени он является должностным лицом. Генеральный адвокат должен представлять Комиссию совершенно беспристрастно и независимо предоставлять обоснованные выводы и предложения. Прежде чем принять решение по любому спорному

вопросу, рассматриваемому на заседании Комиссией заслушивался генеральный адвокат. По решению Комиссии 14 февраля 1988 г. пост генерального адвоката, одновременно с утверждением круга его обязанностей, занял профессор Ян А. Хантер (Университет Западного Онтарио, Лондон, Онтарио).

Образцом в деятельности для Комиссии были ее предшественницы — английская королевская и американская президентская Комиссия. Каждый свидетель давал показания под присягой, после чего подвергался перекрёстному допросу со стороны Генерального адвоката Комиссии. Должности главных адвокатов истца, Всемирного конгресса свободных украинцев, занимали Иван Сопинка и Василь Либер. Подготовкой доказательств со стороны истца занимался доктор Юрий Данилив — Президент Палаты Украинских адвокатов Канады. Слушания Комиссии проходили дважды: 23-27 мая 1988 г. в отеле «Европа» в Брюсселе и 31 октября — 4 ноября 1988 г. в отеле «ООН Плаза» в Нью-Йорке. На слушаниях истцами и генеральным адвокатом были представлены показания и доказательства. 15-18 ноября 1989 г. в отеле «Кенсингтон Хилтон» в Лондоне (Великобритания) прошло заключительное совещательное заседание.

Решением Комиссии окончательным итогом работы стал отпечатанный протокол всех слушаний и документов с алфавитным указателем. Планировалось, что ученые и другие интересующиеся лица в дальнейшем будут использовать эти материалы в своих исследованиях. Кроме этого был подготовлен и отпечатан окончательный отчёт, в нем было изложено мнение Комиссии, а также возможные противоположные или совпадающие оценки членов Комиссии. Окончательный отчет было решено составить в двух экземплярах. Один из них печатался для Генерального секретаря ООН, второй был предоставлен председателю Парламентской Ассамблеи Совета Европы.

Материалы Комиссии представляют собой в основном книги и исследования, посвящённые голоду 1932—1933 гг.. Работы, официально представленные истцом, были подготовлены за последние 20 лет работы Комиссии. Кроме обозначенных научных трудов необходимо отметить разнообразие статьи периодической печати, к источникам получившимся в результате работы Комиссии, можно отнести отчёты и переписку нескольких дипломатических миссий, получивших аккредитацию в Москве, и некоторых консульств, открытых на Украине.

Для того чтобы удостовериться в достоверности источников, некоторые авторы (Конквест, Луцюк, Мейс, Славутич) были заслушаны Комиссией непосредственно на ее заседаниях в Брюсселе и Нью-Йорке.

Указанные в итоговом отчете Комиссии факты, цифры и обобщения стали для отдельной категории историков, изучающих события 1932-1933 года на Украине, основой для дальнейших работ отдельной категории историков, занимающихся событиями 1932—1933 года на Украине.

Итоговый материал Комиссии дополнял раздел Особые мнения членов комиссии, в котором более подробно рассматривались следующие пункты: «Определение геноцида», «определение преступления против человечности», «основные причины голода», «помощь не пришла», «ничего не предпринималось», «попытка уничтожить украинскую нацию», «факт существования голода и его размеры», «причина или причины голода», «как голод отразился на Украине и её народе», «преступление геноцида». Они выдержаны в общем ключе.

Фактологическая основа отчетов Комиссии использовалась при создании учебников для средних школ.

Новым толчком в использовании материалов Комиссии послужило избрание Президента Украины В. А. Ющенко. На основе материалов Украинским Парламентом был принят «Закон про голодомор 1932-33 годов на Украине» в 2006 году.

Факты, представленные Комиссией в итоговом отчёте, использовались рядом стран осудивших голод 1932 — 1933 как геноцид при принятии этого решения.

Современные украинские исследователи поддержали и дали дальнейшее развитие идеям Конквеста – Мейса в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Среди историков необходимо отметить ученых С. В. Кульчицкого, В. И. Марочко, Ю. И. Шаповала, Р. И. Пирога и других авторов<sup>1</sup>.

События голода 1932 – 1933 гг. к большому сожалению, быстро приобрели политический подтекст и стали использоваться политиками Украины и представителями антироссийских сил в ряде западных государств в своих политических целях. Ученые Украины и Запада, стоящие на антироссийских позициях, считают что Россия, как правопреемник СССР, должна, по их мнению, взять на себя ответственность за политику сталинского режима в Украине в 1930-е гг. В случае успеха Россия должна предоставить Украине материальную компенсацию за организованный на геноцид голодом в 1932–1933 годах руководством СССР. Однако все попытки проведения данной резолюции в ООН закончились неудачей<sup>2</sup>.

По случаю 60-летней годовщины голода в Киеве прошла международная научная конференция в сентябре 1993 года. Это событие стало ярким примером акции антироссийской направленности. В своем выступлении на конференции президент Украины Л. Кравчук и лидеры Руха призывали к предъявлению России счета за якобы организованный ею в 1933 году голод на Украине. Счет должен был быть аналогичен предъявленному Германии после осуждения нацистов за Холокост. В ходе конференции заявлялось о голоде, «организованном чужим народом», а также о важности обладания для Украины ядерным оружием, которое должно стать гарантией против повторения 1933 года. Проблема

---

<sup>1</sup>Бібліографія про голодомор 1932 – 1933 рр. // Голод 1932 – 1933 років в Україні: причини та наслідки. Київ, 2003. С. 873 - 880

<sup>2</sup>Кульчицкий С. Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский голодомор. Киев, 2007.

Севастополя и Крыма в двусторонних отношениях должна была стать компенсацией за 1933 год. Однако подобные идеи не получили отражения в официальных опубликованных материалах<sup>1</sup>.

Российские ученые, принимавшие участие в работе конференции, изложили свою позицию специальным письмом в редакцию журнала «Отечественная история»<sup>2</sup>. В. П. Дмитренко, заместитель директора Института российской истории РАН, выступил против предложения И. Е. Зеленина, принявшего участие в работе киевской конференции, о публикации на страницах журнала всех вышеназванных обстоятельств. Предлогом отказа стал риск занятия журналом односторонней позиции, одновременно с этим не была опубликована украинская версия событий. Стремление не обострять отношения с украинскими коллегами было одним из факторов, которым руководствовался В.П. Дмитриенко, он понимал, что историки попали под «идеологический пресс» политического руководства Украины.

В городе Виченца в Италии 16–18 октября 2003 года прошла крупная международная конференция, целью которой было «научное подтверждение» теории геноцида Украины в 1932–1933 годах со стороны сталинского руководства<sup>3</sup>. Для выступления были приглашены ведущие специалисты в области изучения голода из Италии, Украины, России, США, Канады и других стран. Весь спектр взглядов по проблеме голода, сторонников и противников теории «геноцида» Украины был представлен в ходе конференции. (А. Грациози, Н. А. Ивницкого и т. д.). Результатом научной дискуссии было принятие резолюции, которая включала в себя пункт о распространении голода в 1932 – 1933 годах за пределы Украины, по

<sup>1</sup> Голодомор 1932-1933 рр. в Україні: причини і наслідки: Міжнародна наукова конференція. Київ, 9-10 вересня 1993 р. / Відп. ред. С. Кульчицький. - Київ: Б.в., 1995.- 200 с.

<sup>2</sup> Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н. О голоде 1932 – 1933 гг. и его оценке на Украине // Отечественная история. - № 6. – М., 1994 - С. 256 – 262.

<sup>3</sup> La mort della terra. La grande “carestia” in Ucraina nell 1932 –33. Viela, Roma, 2004. – 512 p.

территории России и Казахстана. Российская делегация представленная крупнейшим российским исследователем коллективизации Н.А. Иваницким, не поддержала антиукраинскую версию трагедии 1932 – 1933 гг. на Украине.

Научное заседание Российско – украинской комиссии историков, организатором которой вступил Институт всеобщей истории РАН и Институт истории Украин Национальной Академии Наук Украины, стало еще одной попыткой обоснования теории геноцида голодом Украины в 1932-1933 гг. Заседание прошло 29 марта 2004 года в здании Президиума Российской Академии Наук. Главной темой для обсуждения на заседании был «Голод в Украине 1932–33 годов: Причины и последствия». Оно представляло собой семинары ученых России и Украины. Инициатором мероприятия выступил МИД России, обратившийся к Российской Академии Наук за разъяснением обстоятельств голода 1932–1933 гг. на Украине. В семинарах приняли участие ведущие российские ученые, специализирующиеся на изучении Советской союза в период правления И.Ф. Сталина из Института российской истории РАН, Института Всеобщей истории РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, МПГУ: А. А. Чубарьян, В. П. Данилов, Е. И. Пивовар, А. А. Данилов, А. В. Шубин, В. С. Лельчук, В. Б. Жиромская, О. М. Вербицкая, Н. А. Араловец и другие. С украинской стороны в заседании участвовали С. В. Кульчицкий, В. И. Марочко, Г. Г. Ефименко.

Итальянские историки А. Грациози<sup>1</sup> и П. Грегори<sup>2</sup> в своих работах уделили много внимания повседневной жизни российского крестьянства. А. Грациози, характеризует аграрную политику СССР в 1930 – е гг., как крупнейшую войну в Европе против крестьянства<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup>Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. Пер. с англ. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2001. — 96 с.

<sup>2</sup>Грегори П. Политическая экономия сталинизма/Пер. с англ. И.Кузнецова, А. Макаревича - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН),2008. — 400 с.

<sup>3</sup>Грациози П. Указ. Соч. – С.4

Мировая общественность, как и историки и демографы, была заинтересована в поиске причин голода 1932 – 1933 гг. Была даже создана специальная комиссия по изучению голода 1932 -1933 гг. на Украине. Она начала свою работу в конце 1980 х. гг. Итоги деятельности комиссии были представлены в Торонто в виде отчета в 1990 г. В отчете комиссия указывала на разночтения в оценке жертв голода на Украине (5, 6, 7,5, 10, 16 млн чел.). Ею были выдвинуты следующие цифры по масштабам голода 1932 – 1933гг.: общее число жертв в СССР около 7,5 млн. человек; на Украине из них погибло не менее 1,5 млн. человек; в Казахстане 1 млн. человек. Примечателен факт, что подавляющее количество членов организации высказали сомнения по поводу предположения об искусственно организованном голоде для уничтожения украинской нации<sup>1</sup>. Сегодня отечественные историки окончательно доказали, что трагедия 1932 – 1933 гг. не являлась геноцидом в отношении украинцев, так как голод поразил в таком же масштабе и другие регионы СССР.

С позиций «геноцида» проблему голода оценивал французский историк Николя Верт<sup>2</sup>. В своих исследованиях автор ссылается на новые опубликованные источники, исследователем был показан весь ужас политики репрессий на Украине. Свое внимание историк акцентирует на распространявшихся антисоветских настроения. Высказываясь по поводу оказания регионам помощи с продовольствием, исследователь отмечает, что данная мера была «смехотворной» в отношении Украины и она получала минимальную помощь. Постановления о помощи регионам центральными властями принимались в наиболее критический период голода с января по июнь 1933 года. Таких постановлений официально было не менее 35. В

---

<sup>1</sup>Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XXвека:Историко-демографические очерки. - Новосибирск.: Симбирский хронограф, 2000. - 244 с.

<sup>2</sup>Werth N. The Great Ukrainian Famine of 1932-33. Online Encyclopedia of Mass Violence.2008. – URL: [http://www.massviolence.org/Articleid\\_article=166](http://www.massviolence.org/Articleid_article=166). (дата обращения 15.11.16)

действительности поставлено в регионы было приблизительно 320 000 тонн. Если разделить это количество на 30 миллионов голодающих, то получается цифра в 10 килограммов зерна на человека, а это едва 3 % общего среднегодового потребления крестьянина! Автор занимался так же вопросами хронологии голода, он отмечал, что до лета 1932 года украинский голод имеет те же причины, что и общесоюзный, но с лета 1932 года ситуация меняется. Исследователь видит причины этого в том, что Сталин решает наказать украинских крестьян, сопротивлявшихся «новому крепостному праву». Наказание оказалось очень тяжелым – голод и смерть огромного количества людей. Обращаясь к масштабам голода автор говорит о более чем 4 млн. человек на Украине и Северном Кавказе<sup>1</sup>.

Зарубежные исследователи обращают свое внимание и на вопросы изучения локальных масштабов голода. Так, итальянец Николло Панчиоли в своих трудах обращается к процессам коллективизации и голода 1932 – 1933 гг. в Казахстане<sup>2</sup>. Он акцентирует свое внимание на одном из сюжетов, в частности на компании по изъятию зерна у кочевого населения. Основную линию исследований занимают эмиграционные процессы среди населения в Казахстане. Исследователем в ходе вычислений было выявлено, что более 1,5 млн. человек были вынуждены бежать с территории охваченной бедствием. Сбежали в Китай (около 200000 человек) и другие советские республики (около 1 млн. человек). На это счет в цифрах существуют разночтения, так другая комиссия процитировала следующие данные: 286000 семей (более чем миллион человек) бежали между 1930 и 1931; 78000 в 1932, и 31000 в 1933.<sup>3</sup> Автор так же выдвигает обвинения в адрес советской власти, говоря о политике «денационализации» казахов, которая привела к разрушению культуры и традиций народа и повлекла за собой колоссальные жертвы.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> *Pianciola N.* The Collectivization Famine in Kazakhstan, 1931 – 1933 // *Hunger by design: the great Ukrainian famine and its Soviet context.* - Cambridge, Massachusetts.: Ukrainian Research Institute, Harvard University, 2008. – 150 p.

<sup>3</sup> Там же – С.108

Уралу, как локальной территории охваченной голодом 1932 - 1933 гг., уделял свое внимание научный сотрудник Международного Института социальной истории Амстердама Хайс Кесслер. Автор в своих монографиях<sup>1</sup> показывает демографическую картину области. Он говорит о том, что к 1933 г. смертность превышала рождаемость. Корни этого он видит в неурожае 1931 года, вследствие чего возникают проблемы с продовольствием. Критичность ситуации отмечается исследователем, как в деревне, так и в городе. Он говорит, что жители городов Урала так же испытывают недостаток продовольствия, о чем с апреля 1933 г. сигнализируют многие районы. Автор считает, что голод стал вполне логичным явлением в русле проводимой политики. Таким образом, он приходит к выводу, что голод – это результат неудачной аграрной политики государства, а вовсе не стечение факторов, характерных только для территорий Украины, Казахстана, Северного Кавказа. Концепция «геноцида» Кесслером не принимается.

Необходимо отметить, что проблем голода 1932 – 1933 гг. на современном этапе приобретает политический подтекст и используется некоторыми политиками ряда государств в конъюнктурных политических целях. Тема актуальна и она довольно часто афишируется в СМИ и интернет-изданиях. Следует понимать, что подобные исследования практически всегда лишены источниковой базы и вообще трезвого подхода.

Таким образом, события 1932 – 1933 гг. имеют несомненный идеологический подтекст, в результате тема активно используется политиками в достижении своих целей. Изучаемая нами тема активно используется в СМИ, обсуждается в сети Интернет, однако результаты подобных исследований часто не имеют широкой источниковой базы и

---

<sup>1</sup>*Kessler G. The 1932 – 1933 Crisis and Its aftermath beyond the Epicenters of Famine: The Urals Region // Hunger by design: the great Ukrainian famine and its Soviet context. - Cambridge, Massachusetts.: Ukrainian Research Institute, Harvard University, 2008. - P. 118-129*

лишены независимого взгляда на проблему. Не смотря на проделанную историками работу, сегодня голод, как комплексное историческое явление изучено недостаточно глубоко.

В европейской историографии исследователями изучен целый комплекс проблем, связанных с голодом 1932 – 1933 гг. Прежде всего, изучаются причины голода, процессы хлебозаготовительных компаний. Однако и здесь на сегодняшний день существуют дискуссионные аспекты. Так, например, не до конца выясненными остаются демографические потери. Спорными являются так же вопросы эффективности действий советского руководства по преодолению голода. Слабо освещаются проблемы взаимодействия деревни и города, а так же действия местной власти по ликвидации проблемы. Кроме того, в зарубежной историографии недостаточно изучен региональный масштаб трагедии. Поэтому, не смотря на все успехи, достигнутые европейской исторической наукой по вопросам голода 1932 – 1933 гг. можно сделать вывод, что голод, как комплексное историческое явление изучено недостаточно глубоко.

Следует еще раз акцентировать внимание на том, что в европейской историография тема голода предмет не только исторической науки, но и политики. Поэтому здесь от исследователей требуется честное и ответственное отношение. Несомненно, что вокруг этой болезненной темы ещё не скоро утихнут споры, которые касаются причин и масштабов трагедии.

## **§2. Вопросы голода в историографии США, Японии и Южной Кореи**

Проблема голода 1932 – 1933 гг. в настоящее время активно изучается американскими историками. Термин «Голодомор» был введен научный оборот украинскими эмигрантами из Канады и США в 1978 году.

В это же время историки СССР могли говорить лишь о «трудностях с продовольствием», но не о факте голода. Благодаря деятельности эмигрантских кругов украинской диаспоры США и Канады в литературе укореняется миф об искусственном характере голода 1932 – 1933 гг. в СССР. На первый взгляд, основания для этого вывода, вполне убедительны. Тайна катастрофы и ее самая видимая часть проявились в бесспорном факте – в 1932– 1933 гг. чудовищный голод со всеми его ужасными проявлениями поразил самые хлебородные житницы СССР, ранее никогда не переживавшие ничего подобного.

Наиболее полное и аргументированное исследование на тему «искусственно организованного голода» было представлено в работах Роберта Конквеста.

Роберт Конквест (1917 - 2015 гг.) — англо-американский историк и писатель, специалист по истории СССР. До 1956 года Конквест работал в Отделе исследования информации Форин-офиса, созданном для борьбы с советской пропагандой. В 1956 году покидает отдел и становится свободным писателем и историком. Некоторые книги историка были распространены через Praeger Press — американскую компанию, которая опубликовала ряд книг по запросу ЦРУ. В 1962—1963 годы занимал должность литературного редактора в журнале *Spectator*. Обнаружив, что работа мешает его историческим исследованиям Конквест уходит в отставку. В США переезжает с 1981 года. До конца жизни, Конквест занимал должность старшего научного сотрудника и научного куратора Коллекции России и Содружества Независимых Государств в Гуверовском институте.

В 1986 году выходит в свет книга Р. Конквеста «Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом»<sup>1</sup>, посвящённая Голодомору, голоду на Украине и в других частях СССР.

В связи с начавшейся в СССР эпохой гласности, которая сопровождалась государственной кампанией, направленной на развенчание «мифов советской истории». Работы Конквеста активно публикуются как в журналах демократической ориентации, так и в академических изданиях, в том числе на Украине.<sup>2</sup>

В своем исследовании Конквест освещает события на Северном Кавказе и в Поволжье. Так, говоря о событиях в Поволжье, он указывает, что голод активизировался в районах, «частично населенных русскими и украинцами, но больше всего поражены были им немецкие поселения», «главной мишенью террора голодом» становится Республика немцев Поволжья<sup>3</sup>. Конквест затрагивает тему величины демографических потерь в советской деревне во время Голодомора и отмечает, что «для Центральной и Нижней Волги [...] потери пропорционально были также велики, как и для Украины»<sup>4</sup>. Автор приводит мнения некоторых западных журналистов, относительно голода 1930 – х, находившихся в это время в СССР<sup>5</sup>. Итогом исследования Конквестом голода в Республике немцев Поволжья, стала цифра в 140 тыс. немцев, умерших там от голода. По мнению, автора уровень смертности в республике не достиг высоких показателей Кубани благодаря посылкам, передаваемым голодающим немцам из Германии и, от

<sup>1</sup>Robert Conquest. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the terror-famine. New York; Oxford. Oxford University Press, 1986. – 412 p. *он же* Конквест Р. Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом /Пер. с англ. И. Коэн и Н. Май. – Лондон.: OPI London, 1988. – 621 с.

<sup>2</sup>*Он же*. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом // Новый мир. - 1989. - № 10. - С. 179 – 200; *он же*. Жатва скорби: реестр голода // Вопросы истории. - 1990. - № 1. - С. 137 – 160; *он же*. Жнива скорботи: Радянська колективізація і голодомор / Пер. з англ. К.: Либідь, 1993.

<sup>3</sup>*Конквест Р.* Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом /Пер. с англ. И. Коэн и Н. Май. – Лондон.: OPI London, 1988. – С. 409 - 410

<sup>4</sup> Там же - С. 441

<sup>5</sup> Там же - С. 442

части, по другим причинам<sup>1</sup>. Общее количество жертв голода 1932 – 1933 годов в советской деревне Конквест определяет в 7 млн. человек. Согласно автору, из общей цифры на Украине, количество жертв достигает 5 млн. человек, на Северном Кавказе – 1 млн. человек, в «других местах» – 1 млн. человек<sup>2</sup>.

Помимо этого, в своем исследовании Конквест активно критикует западных интеллектуалов левой ориентации. Подобные взгляды он называет «интеллектуальным и моральным позором», и обвиняет авторов в отрицании реальных масштабов голода.

Большую роль в развитии гипотезы об антиукраинской направленности голода 1932 – 1933 гг., сыграл Джеймс Мейс<sup>3</sup>. Историк активно поддерживал идею геноцида Украины голодомором.

Джеймс Мейс (1952 — 2004 гг.) — американский и украинский историк, политолог, ассистент Роберта Конквеста. В 1982 году в Тель-Авиве, во время международной конференции по Катастрофе европейского еврейства, Мейс высказал мнение: «Чтобы централизовать полную власть в руках Сталина, необходимо было сгубить украинское крестьянство, украинскую интеллигенцию, украинский язык, украинскую историю в понимании народа, уничтожить Украину как таковую. Калькуляция очень проста и примитивна: нет народа, значит нет отдельной страны, а в результате — нет проблем». Речь Дж. Мейса была опубликована на украинском языке в № 2 «Українського історичного журналу» за 2007 год.

В 1981 году Мейс защищает докторскую диссертацию в Мичиганском университете, по теме «Коммунизм и дилеммы национального освобождения: национальный коммунизм в советской Украине 1918—1933». В данной работе автор объясняет причины краха национально-

---

<sup>1</sup> Там же - С. 411

<sup>2</sup> Там же - С. 445

<sup>3</sup> *James E. Mace. Is the Ukrainian Genocide a Myth? // La mortedella terra. La grande "carestia" in Ucrainanell 1932 –33. - Viela, Roma, 2004. -P. 407 – 415.*

патриотических идей и процесса украинизации, говорит о несовместимости этих идей с коммунистической идеологией.

После успешной защиты диссертации, Мейс при посредничестве своего научного руководителя профессора истории Центральной и Восточной Европы Мичиганского университета Романа Шпорлюка знакомится с украинскими иммигрантами, очевидцами Голодомора. Затем, в 1983 году Мейс издает монографию «Коммунизм и дилеммы национального освобождения: национал-коммунизм на Советской Украине 1918—1933».

Автор был ярким сторонником гипотезы геноцида голодомором Украины. Первопричины этих событий, по мнению историка, кроются в национальной политике, проводимой Кремлем. Мейс считает, голод 1932 – 1933 гг. на Украине осуществленной на практике сталинской верхушкой политикой геноцида. Целью проводимой политики было уничтожение самой украинской государственности. Однако, Мейс также указывает, что сталинский террор на территории Украине был нацелен не против людей одной национальности или рода занятий, а против граждан Украинского государства. Государство Украина возникает при распаде Российской империи, оно переживает свою гибель при строительстве Советского союза и становится его неотъемлемой частью<sup>1</sup>.

Слабое место в научной концепции Конквеста – Мейса и их последователей источник база исследований. Об этом очень аргументированно заявляет один из крупнейших специалистов по советской истории Стефан Мерль.<sup>2</sup> Помимо этого, историк представил свою версию голода 1932 – 1933 гг. в СССР. По мнению исследователя, голод представляет собой скорее роковое стечения обстоятельств, нежели

---

<sup>1</sup>Дэвис Р., *Уиткрофт* С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931-1933. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. - 539 с.

<sup>2</sup>Мерль С. Голод 1932 - 1933 годов геноцид украинцев для осуществления политики руссификации? // Отечественная история. -1995. - № 1. - С. 49 – 61.

преднамеренную акцию власти. Неудачная экономическая политика, просчеты в установлении квот обязательных поставок зерна, игнорирование региональных особенностей. При анализе точки зрения Конквеста, Мерль задается вполне логичным вопросом: зачем коммунистическому правительству специально организовывать голод, который коснется не только его врагов, но и союзников – беднейших крестьян, колхозников-ударников, бывших «красных партизан» и т.д.<sup>1</sup>

Некоторые критики идей Конквеста неизбежно впадают в другую крайность, среди таких историков можно отметить Марка Траугера. Так преднамеренный характер голода, согласно Конквесту, характеризуется отсутствием объективных причин. Ведущую роль он отводит причинам субъективным, а именно антиукраинской политике сталинского режима. Траугер главную причину голода видит в «нехватке зерна», которая была вызвана неудачными погодными условиями, неповоротливостью советского бюрократического аппарата, а также неэффективной политикой СССР в области экономики<sup>2</sup>.

Ряд крупнейших историков подвергли острой критике мнение Траугера относительно объемов урожая 1932 года. Урожай 1932 года, согласно мнению исследователей, при своих не больших размерах был вполне достаточным для использования до следующего года. Таким образом, голод в политике Сталина, выступает как инструмент для запугивания крестьян, сопротивляющихся процессу коллективизации. Главная задача советского руководства на первом этапе коллективизации отучить крестьянина от мысли что зерно выращенное им – является его собственностью. Любым способом было необходимо заставить крестьян трудиться в колхозе. Особенно строго

---

<sup>1</sup>Merl S. Entfachte Stalin die Hungersnot von 1932-1933 zur Auslöschung des ukrainischen Nationalismus? Anmerkungen zu neueren westlichen Veröffentlichungen über die "ukrainische" Hungersnot // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas – 1989. - 37(4). – P. 575 - 576

<sup>2</sup>Траугер М.Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Голод 1932 - 1933 годов. - М., 1995. - С. 14 – 42; он же. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. - М., 1996. - С. 298 – 332.

необходимо было действовать в отношении самых непокорных единоличников. Кроме этого голод как инструмент использовался и в политической сфере, с его помощью планировалось подавить украинский национализм, так как социальной базой последнего выступало именно крестьянство<sup>1</sup>.

Однако подобные идеи характеризуются критиками Конквеста и его последователей, в частности представителей «украинской школы искусственно организованного голода», как излишняя политизация, событий 1932 - 1933 гг. По мнению критиков, исследователи пошли по ложному следу антисоветски настроенных эмигрантских кругов, и стали разменной монетой в общей риторике «Холодной войны».

Среди оппонентов позиции Р. Конквеста выступают историки Р. Дэвис и С. Уиткрофт<sup>2</sup>. Основываясь на широком корпусе достоверных источников, Стивен Уиткрофт выступает в соавторстве с другим замечательным исследователем России Робертом Дэвисом, вместе историкам удалось получить довольно взвешенный анализ состояния сельского хозяйства СССР в 1931 – 1933 гг. Оценка демографической обстановки в советской деревне в 1932-1933 гг., а также материалы посвященные хлебофуражным балансам в СССР в 1930 – е гг. являются наиболее важными пунктами работы Уиткрофта.<sup>3</sup> Освещение столь актуальных аспектов темы голода позволило

---

<sup>1</sup>См.: *James E. Mace. The Famine of 1933: A Survey of Sources // Famine in Ukraine 1932 - 1933. -Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1986.- P. 25 - 63; он же. The Man-Made Famine of 1933 in the Soviet Ukraine: What Happened and Why? // Famine in Ukraine, 1932 – 1933. - Edmonton.: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1986. - P. 78 – 89; Dana G. Dalrymple. The Soviet Famine of 1932 – 1934 // Soviet Studies. – XV -1964. – P. 250 - 284 и др.*

<sup>2</sup> См.: *Дэвис Р.У. Кризис в советском сельском хозяйстве (1931 – 1933 гг.): Доклад и его обсуждение на теоретическом семинаре “Современные концепции аграрного развития” // Отечественная история. -1998. - № 6. - С. 95 – 109; . Davies R. W. The Socialist Offensive: the Collectivization of Soviet Agriculture, 1929 - 1930. Cambridge, MA.: Macmillan. 1980. – 491 p.; The economic transformation of the Soviet Union. 1913 – 1945/ Ed. by Davies R. W., Harrison M. and Wheatcroft S.G. – Cambridge.: University Press, 1994. – 416 p.*

<sup>3</sup>См.: *Stephen G. Wheatcroft. More light on the scale of repression and excess mortality in the Soviet Union in the 1930s // Stalinist Terror: new perspectives. - Cambridge University Press,*

Уиткрофту стать наиболее авторитетным специалистом среди зарубежных и отечественных исследователей.

Опубликованная в 2004 году, совместная монография С. Уиткрофта и Р.Дэвиса, посвященная истории сельского хозяйства в СССР в 1931-1933 гг. также сумела получить статус важного события в исторической науке<sup>1</sup>. Возможно лучшим отзывом о работе может служить реакция Р.Конквеста, который после прочтения заявил о несостоятельности своего тезиса о голоде-геноциде. В письме, отправленном Конквестом для авторов книги, историк отметил отсутствие «злого умысла» у советского руководства в 1930 – е годы. Однако, он отмечает бездействие Сталина во время Голодомора<sup>2</sup>. Процесс коллективизации, политика хлебозаготовок, и другие госпоставки сельхоз продукции маломощным колхозам и единоличным хозяйствам, стали материалом для глубокого и всестороннего анализа Дэвисом и Уиткрофтом в их монографии посвященной кризису сельского хозяйства в СССР в 1930 – е годы. Сельскохозяйственное производство было разрушено аграрной политикой Сталина, итогом политики становится голод. Однако, авторы говорят и о мерах правительства по преодолению кризиса, таким образом мы видим непреднамеренный характер кризисных явлений в сельском хозяйстве. Авторы пишут о продовольственной помощи для голодающих регионов, историками были приведены 35 партийно-правительственных постановления, подтверждающие этот факт. При этом первое датируется 7 февраля, последнее зафиксировано 20 июля 1933 года. В рамках помощи на Кубань и Украину было отправлено 264,7 тысяч тонн зерна, в другие регионы – 55,3 тысячи тонн, общие объемы помощи голодающим регионам

---

1993. - P. 280- 290; он же. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930 – 45 // Europe-Asia Studies. - 1996.- № 8 – P. 1319 – 1353 и др.

<sup>1</sup>Davies R., Wheatcroft S. The years of hunger: soviet agriculture, 1931 – 1933. - New York: Palgrave Macmillan, 2004. -555 p.

<sup>2</sup>Там же. - P. 441.

при этом составили 320 тысяч тонн зерна<sup>1</sup>. По мнению исследователей подобные факты служат доказательство несостоятельности теории геноцида Украины голодом.

По мнению исследователей именно социально-экономические и природно-климатические факторы и вызвали голод 1930 – х. Политика коллективизации и как следствие неосуществимые хлебозаготовительные планы, для нужд нарастающей индустриализации Советского государства совпали с двумя неурожайными годами 1932-1933 гг.. Весной 1932 г. появляется хлебный дефицит, советская деревня приходит в упадок<sup>2</sup>. При изучении масштабов трагедии, историки пришли к выводу, что голод был распространен не только в Украине и Казахстане, а также застиг ЦЧО, Северный Кавказ, Татарскую и Башкирскую АССР, Поволжье, Уральскую область, Сибирь и Дальний Восток<sup>3</sup>. По данным, которыми располагают авторы показатели сверх смертности в 1932-1933 гг. составили около 4,6 млн человек<sup>4</sup>.

Тему голода 1932-1933 годов, а также процесс коллективизации советской деревни в своих работах рассматривали Линн Виолу и Шейла Фицпатрик, крупные историки по советской истории из США. Историки выделяются своим методологическим подходом к проблеме, для них характерен взгляд на проблему, через анализ положения советского крестьянина в годы коллективизации, его восприятия процесса коллективизации, изменения сущностных черт крестьянского мира в результате сталинской политики<sup>5</sup>. Согласно мнению историков, именно

---

<sup>1</sup> Davies R., Wheatcroft S. The years of hunger: soviet agriculture, 1931 – 1933. - New York: Palgrave Macmillan, P. 481 – 484.

<sup>2</sup> Там же. - P.15

<sup>3</sup> Там же. - P. 417

<sup>4</sup> Там же. - P. 119

<sup>5</sup> См.: *Viola Lynne. The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class, Winter 1929 – 1930: A Reevaluation of the Legislation // Slavic Review. - Vol. 45. - No. 3 - P. 503 – 524; она же. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, Oxford.: University Press 1987. – 302 p.; она же. Guide to Document Series // A*

противостояние советского крестьянства и государства, в период коллективизации, привело к голоду 1932 – 1933 гг. В своей работе историки ссылаются на одного из крупнейших специалистов в области изучения голода нобелевского лауреата Амартия Сена, и заявляют, что голод 1932 – 1933 гг. являлся «скорее нормой, чем исключением в современной истории голода» таким образом ответственность была возложена на руководство советского государства<sup>1</sup>.

Занимается исследованием темы голода и еще один историк – Норман Наймарк. В область научных интересов американского историка Нормана М. Наймарка (род. 1944) входит современная история Восточной Европы, а также геноцид и этнические чистки в этом регионе. Автор в своих исследованиях склоняется к интерпретации голода 1930-х гг. как геноцида<sup>2</sup>. В своей работе Наймарк дает собственное определение понятию «геноцид» как систематическое массовое уничтожение, сознательно совершаемое политической элитой государства против целенаправленно избранной группы внутри или за пределами государства. По данным критериям автор различает геноцид и такие формы массового убийства, как погромы, резня или террористические акты.

Исследование проблемы голода 1930 – х гг. в национальном ключе было проведено профессором Гарвардского университета Терри Мартином. Автор приходит к выводу, что ожесточенное сопротивление политике коллективизации на Украине и Северном Кавказе, было связано с ростом национализма в этих окраинах государства, усилившегося благодаря

---

Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s. - New York, Armonk. 1990 - P. 105 - 132; *Sheila Fitzpatrick*. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization. -New York, Oxford.: University Press, 1994 – 416 p.; *она же*. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. – 424 с. и др.

<sup>1</sup>*Шейла Фицпатрик*. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. - М., 2001.- С. 84.

<sup>2</sup>*Naimark N.M.* Stalin's Genocides. Princeton: Princeton University Press, 2010. – 176 p.

политике украинизации в 1923 г<sup>1</sup>. Процессу хлебозаготовок, в свою очередь, оказывали сопротивление предатели находящиеся в советском государственном и партийном аппарате. Результат - кризис хлебозаготовок 1932 г.

Автор приходит к выводу, что кризис хлебозаготовок и как следствие голод и репрессии отнюдь не были вызваны попыткам решения национального вопроса. Скорее всего национальная политика СССР ориентирующаяся на «жесткую линию» является государства на кризисные явления<sup>2</sup>. Однако Терри Мартин, считает неправильным полное отрицание роли национального фактора в событиях 1932-1933 гг., но интерпретировать события как преднамеренную политику, по мнению историка, нельзя.<sup>3</sup> Согласно автору, террор хлебозаготовительной компании 1932-1933 гг. наиболее трагичные формы принял на Кубани и Украине, распространившись таким образом как на русские, так и на украинские территории.

В своих исследованиях к теме голода 1932 – 1933 гг. и коллективизации советской деревни обратились историки из Японии и Южной Кореи<sup>4</sup>. От теории «геноцида голодом» в своей работе отказывается японский исследователь Хироси Окуду. Ему удалось написать одну из лучших монографий, в которой говорилось о положении поволжской деревни в годы сталинской «революции сверху»<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup>Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 664 с.

<sup>2</sup>Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. - М., 2011. – С.416

<sup>4</sup> См.: Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России (СССР). 1905 – 1930. М.:Институтроссийскойистории РАН, 1996. – 251 с.

<sup>5</sup>Hiroshi Okuda. A History of Soviet Economic Policy: Market and Promysly 1921 – 1932. - Tokyo.: University Press, 1979 – 275 p.; онже. The Making of Soviet Collective Farms: the End of the Russian Peasant Community. -Iwanami-shoten, 1990 – 321 p.; онже. Revolution on the Volga: the Soviet Countryside under Stalinist Rule 1929 – 1934, Tokyo.: University Press, 1996. – 197 p.

При характеристике иностранной историографии нельзя обойти вниманием работы историков «русского зарубежья». Известный русский экономист, эмигрант С.Н. Прокопович является автором фундаментальной работы «Народное хозяйство СССР». По мнению автора в 1932 – 1933 гг. «вся черноземная Россия пережила тяжелый голод со всеми его демографическими последствиями». Причины голода историк связывает с «принудительной коллективизацией крестьянских хозяйств и обложением их высоким натуральным налогом»<sup>1</sup>. В своем исследовании автор использует опубликованные на Западе воспоминания иностранцев, об их пребывании в СССР. На основании этих воспоминаний он рисует ситуацию, получившуюся на Нижней Волге в начале 1930-х годов.

Таким образом, голод 1932 – 1933 гг. имеет богатую историографию, созданную американскими исследователями.

За длительный период изучения проблем голода 1932 – 1933 гг. американскими исследователями было выдвинуто множество концепций от «нехватки зерна» до «Голодомора как геноцида украинского народа». Наиболее популярной из них стала теория «искусственно организованного голода».

Как мы смогли убедиться теме голода 1932-1933 гг. уделяли внимание и восточные, южно-корейские и японские, исследователи. Не оставили ее без внимания и историки русского зарубежья. Они причины голода 1932 – 1933 гг. связывают с принудительной коллективизацией крестьянских хозяйств и обложением их высоким натуральным налогом.

На современном этапе отечественные историки вообще дают положительную оценку вкладу иностранных коллег в изучение проблем голода 1932 – 1933 гг. При этом выделяют недостатком малое количество работ апеллирующих к региональным аспектам и источникам. Оценка голода

---

<sup>1</sup>Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. - Т. 1. - Нью-Йорк.: Издательство имени Чехова, 1952. С. 219 – 221.

1932 – 1933 гг. как антиукраинская политика, а тем более как геноцид отечественными учеными считается неприемлемой.

## **Заключение**

Проведенное в выпускной квалификационной работе исследование имело основной целью изучение отечественной и зарубежной историографии голода 1932 – 1933 гг. В соответствии с задачами исследования, в первой главе были рассмотрены работы советских и современных отечественных исследователей.

В период советского прошлого существовал запрет на исследование трагедии голода 1932 – 1933 гг. В этих условиях, отечественные историки, говоря о трагедии голода в своих исследованиях должны были замалчивать сам факт голода, либо только упоминать трудности хлебозаготовок, говорить 1931 – 1932 гг. в основных зерновых районах страны.

С началом правления Н.С. Хрущева ситуация изменяется. В период оттепели для ученых стали открыты фонды государственных и партийных архивов. Историки впервые получили доступ к документам содержащим данные о коллективизации деревни. Начало в СССР политики гласности вновь позволило историкам обратиться к истории голода 1932 – 1933 гг.. Тема вновь стала очень актуальной для исследования. На страницах периодики появляется множество статей об этом неоднозначном этапе отечественной истории. Конец 1980-х гг. отмечен публикацией источников ранее не введенных в научный оборот.

Таким образом, отечественная историческая наука по вопросу голода 1932-33 гг. прошла долгий путь от замалчивания проблемы, до ее всестороннего анализа с применением большого корпуса источников.

Задача второй главы заключалась в изучении работ зарубежных исследователей. В частности, ученых из таких стран как Украина, Италия, Франция, Великобритания, США, Япония, Южная Корея.

В европейской историографии исследователями изучен целый комплекс проблем, связанных с голодом 1932 – 1933 гг. Прежде всего,

изучаются причины голода, процессы хлебозаготовительных компаний. Однако и здесь на сегодняшний день существуют дискуссионные аспекты. Так, например, не до конца выясненными остаются демографические потери. Спорными являются так же вопросы эффективности действий советского руководства по преодолению голода. Слабо освещаются проблемы взаимодействия деревни и города, а так же действия местной власти по ликвидации проблемы. Кроме того, в зарубежной историографии недостаточно изучен региональный масштаб трагедии. Поэтому, не смотря на все успехи, достигнутые европейской исторической наукой по вопросам голода 1932 – 1933 гг. можно сделать вывод, что голод, как комплексное историческое явление изучено недостаточно глубоко.

Следует еще раз акцентировать внимание на том, что в европейской историография тема голода предмет не только исторической науки, но и политики. Поэтому здесь от исследователей требуется честное и ответственное отношение. Несомненно, что вокруг этой болезненной темы ещё не скоро утихнут споры, которые касаются причин и масштабов трагедии.

Голод 1932 – 1933 гг. имеет богатую историографию, созданную американскими исследователями. Следует отметить, что термин «Голодомор» был впервые введен в научный оборот в печатных трудах украинских эмигрантов в Канаде и США в 1978 году.

За длительный период изучения проблем голода 1932 – 1933 гг. американскими исследователями было выдвинуто множество концепций от «нехватки зерна» до «Голодомора как геноцида украинского народа». Наиболее популярной из них стала теория «искусственно организованного голода».

Не обошли проблему голода 1932-1933 гг. и восточные, южно-корейские и японские, исследователи. Не оставили ее без внимания и историки русского зарубежья. Они причины голода 1932 – 1933 гг.

связывают с принудительной коллективизацией крестьянских хозяйств и обложением их высоким натуральным налогом.

На современном этапе отечественные историки вообще дают положительную оценку вкладу иностранных коллег в изучение проблем голода 1932 – 1933 гг. При этом выделяют недостатком малое количество работ апеллирующих к региональным аспектам и источникам. Оценка голода 1932 – 1933 гг. как антиукраинская политика, а тем более как геноцид отечественными учеными считается неприемлемой.

## **Источники и литература**

### **Источники**

#### **I. Опубликованные источники**

1. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сборник документов и материалов / сост. Е.Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов. - Оренбург: Изд-во «Оренбургское литературное агентство», 2005. - Т. 1. -285 с.
2. «Альметьевское» дело. Трагические страницы из истории крестьянства Альметьевского района (конец 20-х – начало 30-х гг.): Сб. док. и материалов / сост. А. Г. Галямова, Р. Н. Гибадулина. - Казань.: Гасыр, 1999. – 192 с.
3. Горбачев, М. С. Об аграрной политике КПСС в современных условиях. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева 15 марта 1989 г. / М.С. Горбачев // Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 15 – 16 марта 1989. – М., 1989. - С. 40 – 45
4. Данилов, В. П. Перечень сборников документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства СССР, опубликованных с 1957 г. по 1998 г. / В.П. Данилов, В.В. Кондрашин // Трагедия советской деревни. Т. 1. - М., 1999. – 810 с.
5. Документы ВЧК – ОГПУ – НКВД о советской деревне (1918–1939); Советская деревня глазами ВЧКОПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т / под ред. А. Береловича, Н. Верта, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 1998. – 1168 с.
6. Документы и материалы по аграрной истории России (X – XX вв.) / под ред. В. М. Долгова. – Вып.2 - Саратов, 1996. – 165 с.
7. Ленин и Сталин о труде. - М.: Профиздат, 1941. – 640 с.
8. Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932—1933 годов. Итоговый отчёт 1990 г. – Киев, 1992. – 408 с.

9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы - Т. 1. - М.: РОССПЭН, 1999. – 880 с.

## II. Литература

1. Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII – XX веках. / гл. ред. Г. Е. Корнилов. - Оренбург, 2006 – 419 с.
2. Андреев, Е. М. Население Советского Союза, 1922 – 1991. / Е.М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. - М.: Наука, 1993 – 143 с.
3. Безнин, М. А. Повинности российского крестьянства в 1930 – 1960-х годах. / М.А. Безнин, Т.М. Димони, Л.В. Изюмова. - Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001 – 141 с.
4. Большая Советская Энциклопедия. - Т. 41. - М., 1939. - 656 с.
5. Бурдуков, П.Т. Стратегия голода и земельный вопрос. / П.Т. Бурдуков. - М.: Изд-во Ветеран МП, 1995. – 32 с.
6. Герман, А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918 – 1941. / А.А. Герман. М.: МСНК-пресс, 2007. — 576 с.
7. Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. / Отв. ред. В.В. Кондрашин. - Т. 3 – М., 2013 – 320 с.
8. Голодомор 1932-1933 рр. в Україні: причини і наслідки: Міжнародна наукова конференція. Київ, 9-10 вересня 1993 р. / Відп. ред. С. Кульчицький.- Київ: Б.в., 1995.- 200 с.
9. Грациози, А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933/А.Грациози [Пер. с англ.]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — 96 с.
10. Грегори, П. Политическая экономия сталинизма / П.Грегори [Пер. с англ. И.Кузнецова, А. Макаревича]. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 400 с.
11. Гущин, Н. Я. Коллективизация в Сибири (некоторые проблемы и уроки)/Н.Я. Гущин // Развитие форм социалистической собственности

- в сибирской деревне: исторический опыт и современность. - Новосибирск, 1991. - С. 92 – 94.
12. Давлетшин, Р. А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана / Р.А. Давлетшин. - Уфа: Китап, 1993. – 320 с.
13. Данилов, В. П. Редакторское вводное слово/ В.П. Данилов, Роберта Маннинг, Линн Виола. // Трагедия советской деревни. – Т. 1. – М., 1999. - С. 7–12.
14. Дэвис, Р., Уиткрофт, С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. - 539 с.
15. Жиромская, В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке / В.Б. Жиромская. - М.: Кучково поле, 2012. – 312 с.
16. Жиромская, В.Б. Голод 1932–1933 гг.: Людские потери / В.Б. Жиромская // Голод в СССР. 1929– 1934: в 3 т. – Т. 3 – М.: МФД, 2013 – С. 651– 718.
17. Жиромская, В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960. / В.Б. Жиромская. - М.: РГГУ, 2009. - 311 с.
18. Заговорский, П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х гг. / П.В. Заговорский. - Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1998 – 132 с.
19. Зеленин, И. Е. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. / И.Е. Зеленин. - М.: Наука, 1963 – 213 с.
20. Зеленин И.Е. История советского крестьянства / И.Е. Зеленин. – Т.2. – М.: Наука, 1986. – 448 с.
21. Зеленин, И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930 – 1939: политика, осуществление, результаты. / И.Е. Зеленин. - М.: Наука, 2006. - 315 с.

- 22.Зеленин, И. Е. Введение (Кульминация крестьянской трагедии) / И.Е. Зеленин // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. – Т. 3. – М.: Наука, 1999 - С. 30-35.
- 23.Ивницкий, Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н.А. Ивницкий. – М.: Магистр, 1996 - 288с.
- 24.Исупов, В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. / В.А. Исупов. - Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2000. - 244 с.
- 25.Кабанов, В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. / В.В. Кабанов. – М.: ИРИ, 1997. - 155с.
- 26.Каунова, Н. Е. Голод в начале 1930-х гг. в Средне-Волжском крае / Н.Е. Каунова. - Самара, 2005 – 223 с.
- 27.Кондрашин, В.В. Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России/В.В. Кондрашин// Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР - М.: РОССПЭН, 2011 – С. 10-35
- 28.Кондрашин, В.В. Голод: 1932 – 1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). / В.В. Кондрашин, Д. Пеннер. – Самара – Пенза, 2002. – 158 с.
- 29.Кондрашин, В.В. Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья / В.В. Кондрашин. - М., 1991. – 432 с.
- 30.Красильников, С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. / С.А. Красильников. - М.: РОССПЭН, 2003. – 288 с.
- 31.Кульчицкий, С. Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский голодомор / С. Кульчицкий. – Киев.: Украинская пресс-группа, 2007. – 207 с.

32. Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939 / Т. Мартин. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 664 с.
33. Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) / Отв. ред. Данилов В.П., Милов Л.В – М., 1996. – 150 с.
34. Михайлов В. Ф. Хроника Великого Джута: Документальная повесть / В.Ф. Михайлов. - Алма-Ата.: Алматы-Жалык, 1989 – 89с.
35. Мошнин, Н. И. История Малосердобинского района / Н.И. Мошнин, М.С. Полубояров. – Пенза, 1989. - 90 с.
36. Надькин, Т. Д. Коллективизация и голод в 1930-х гг. / Т.Д. Надькин // Репрессии 1930-х гг. в Мордовии и их последствия. – Саранск, 2004. – С. 172 – 181.
37. Осколков, Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае/ Е.Н. Осколков. – М.,2000 – 150 с.
38. Осколков, Е. Н. Хлебозаготовки и голод гг. в Северо-Кавказском крае / Е.Н. Осколков // Донской юридический институт: Ученые записки. Памяти Е. Н. Осколкова (К 75-летию со дня рождения). - Т. 16.- Ростов-на-Дону, 2001. - С. 6 – 95.
39. Осокина, Е.А. За фасадом сталинского изобилия / Е.А. Осокина. – М.: РОССПЭН,1999 – 271 с.
40. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. / Под. ред. В.П. Данилова. - М.: Госполитиздат,1963. – 560 с.
41. Прокопович, С.Н. Народное хозяйство СССР / С.Н. Прокопович. - Т. 1. - Нью-Йорк.: Издательство имени Чехова, 1952. – 398 с.
42. Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917 – 1969) / Под ред. В.П. Данилова, М.П. Кима, Н.В. Тропкина - М.: Политиздат,1970. - 305с.

43. Социально-экономическое развитие деревни Среднего Поволжья в период социализма. - Казань: Ин-т яз., лит. и истории, 1986. – 155с.
44. Сталин, И.В. К шестидесятилетию со дня рождения. / И.В. Сталин. - М.: Правда, 1940. - С. 239.
45. Стандюк, И.Ф. Исповедь сталиниста / И.Ф. Стандюк. – М.: Патриот, 1993. – 415 с.
46. Тархова Н. С. Армия и крестьянство: Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928 – 1933 гг. - М.: РОССПЭН, 2006. - 470 с.
47. Таугер М.Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года / М.Б. Таугер // Голод 1932 - 1933 годов. - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. - С. 14 – 42.
48. Трапезников, С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос / С.П. Трапезников. - Т. 2. - М.: Мысль, 1974. - 645с.
49. Трапезников, С. П. Коллективизация крестьянских хозяйств и организационно-хозяйственное укрепление колхозов – 1927 – 1934 гг. / С.П. Трапезников. - М.: Наука, 1951. – 215 с.
50. Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. - Часть 1. Донецк, 14 – 16 мая 1991 г. - М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. – 54с.
51. Урланис, Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. / Б.Ц. Урланис. – М.: Наука, 1974. – 335с.
52. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик. [ Пер. с англ.]. - М.: Российская политическая энциклопеди, 2001. – 424 с.
53. Шубин, А.В. 10 мифов советской страны / А.В. Шубин.- М.: Наука, 2006. – 416 с.
54. Conquest, R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the terror-famine / R. Conquest . -New York; Oxford. Oxford University Press, 1986. – 412 p.

55. Davies, R.W. *The Socialist Offensive: the Collectivization of Soviet Agriculture, 1929 – 1930* / R.W. Davies - Cambridge, MA.: Macmillan. 1980. – 491 p.
56. Davies, R., Wheatcroft, S. *The years of hunger: soviet agriculture, 1931 – 1933* / R. Davies, S. Wheatcroft. - New York: Palgrave Macmillan, 2004. - 555 p.
57. Fitzpatrick, S. *Stalin`s Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization* / S. Fitzpatrick. -New York, Oxford.: University Press, 1994 – 416 p.
58. Kessler, G. *The 1932 – 1933 Crisis and Its aftermath beyond the Epicenters of Famine: The Urals Region* / G. Kessler // *Hunger by design: the great Ukrainian famine and its Soviet context.* - Cambridge, Massachusetts.: Ukrainian Research Institute, Harvard University, 2008. - P. 118-129.
59. *La morte della terra. La grande “carestia” in Ucraina nel 1932 –33.* - Viela, Roma, 2004. – 512 p.
60. Lynne, V. *The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization* / V. Lynne. - New York, Oxford.: University Press 1987. – 302 p.
61. Naimark, N.M. *Stalin`s Genocides* / N.M. Naimark. - Princeton: Princeton University Press, 2010. – 176 p.
62. Pianciola, N. *The Collectivization Famine in Kazakhstan, 1931 – 1933* / N. Pianciola. - Cambridge, Massachusetts.: Ukrainian Research Institute, Harvard University, 2008. – 150 p.
63. *The economic transformation of the Soviet Union. 1913 – 1945* / Ed. by Davies R.W., Harrison M. and Wheatcroft S.G. – Cambridge.: University Press, 1994. – 416 p.

### **III. Периодическая печать**

64. Анфимов, А. М. *Российский кулак: реальная фигура или идеологический миф?* / А.М. Анфимов, М.А. Вылцан // *НОВЫЕ*

- страницы истории Отечества. Межвузовский сборник научных трудов. - Пенза, 1992. - С. 143 – 149.
65. Балакин, Д. Б. Карта голода 1932 – 1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале / Д.Б. Балакин, В.В. Кондрашин // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. - Екатеринбург, 1992 г. - С. 78 – 79.
66. Баранов, Е. Ю. Документы Уралобкома ВКП(б) и облисполкома как источник по голоду 1932 – 1933 гг. на Урале / Е.Ю. Баранов // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XXI столетий. - Екатеринбург, 2000. - С. 335 – 338.
67. Данилов, В.П. Октябрь и аграрная политика партии / В.П. Данилов // Коммунист. 1987. - № 16. – М., 1987 - С. 32 – 36.
68. Данилов, В. П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932 – 1933 гг. и «демографической катастрофе» 30 – 40-х гг. в СССР / В.П. Данилов // Вопросы истории. – №3 – М., 1988. - С. 116 – 122.
69. Данилов, В.П. Альтернативы общественного развития / В.П. Данилов // Куда идет Россия? – М., 1994 – С.40 – 45.
70. Дэвис, Р.У. Кризис в советском сельском хозяйстве (1931 – 1933 гг.): Доклад и его обсуждение на теоретическом семинаре “Современные концепции аграрного развития” / Р.У. Дэвис // Отечественная история. - 1998. - № 6. - С. 95 – 109.
71. Еферица, Т. В. Крестьянская община в период коллективизации (по материалам ЦГА РМ) / Т.В. Еферица // Проблемы истории Мордовского края. - Саранск, 1993 – С. 45 – 49.
72. Зеленин, И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации / И.Е. Зеленин // Проблемы устной истории в СССР. - Киров, 1990. - С. 18—22.

- 73.Зеленин, И.Е. О голоде 1932 – 1933 гг. и его оценке на Украине / И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин, Е.Н. Осколков // Отечественная история. - № 6. – М.,1994 - С. 256 – 262.
- 74.Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за круглым столом // История СССР. – №3 – М.,1989. – С. 51 – 55.
- 75.Кондрашин, В. В. Был ли голод 1932 – 33 годов в Украине геноцидом украинского народа? / В.В. Кондрашин // Проблемы социально-политической и экономической истории России. - Пенза, 2004. - С. 53 – 64
- 76.Кондрашин, В. В. Влияние международных проектов по аграрной истории России XX века на развитие региональной историографии/В.В. Кондрашин // Материалы международной научно-практической конференции «Моя Малая Родина». – Вып. 4. – Степановка – Пенза, 2007. – С. 28 – 41.
- 77.Кондрашин, В.В. Голод в крестьянском менталитете / В.В. Кондрашин // Менталитет и аграрное развитие России. Материалы международной конференции. - М., 1995. - С. 115 – 123
- 78.Кондрашин, В.В. Плюсы и минусы современного исторического краеведения в России / В.В. Кондрашин // Отечественная культура и развитие краеведения: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. - Пенза, 2000. - С. 85 - 87.
- 79.Кульчицкий, С. В. Некоторые проблемы истории сплошной коллективизации на Украине / С.В. Кульчицкий // История СССР. – № 5 – М., 1989. - С. 31 – 34.
- 80.Марискин, О.И. Налоговая политика и сплошная коллективизация сельского хозяйства в СССР: по материалам Среднего Поволжья / О.И. Марискин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - № 6–2 - М., 2001. - С. 121–124.

81. Маггеридж, М. Хроника загубленного времени / М. Маггеридж // Отечественные записки. – №6 – М., 2013. – С. 273 – 292.
82. Мерль, С. Голод 1932 - 1933 годов геноцид украинцев для осуществления политики руссификации? / С. Мэрль // Отечественная история. -1995. - № 1. - С. 49 – 61.
83. Попов, В.Ф. Хлеб под большевиками/В.Ф. Попов // Новый мир. - № 8. – М., 1997. - С.180 - 185.
84. Скалабан, В.В. О голоде в Республики Беларусь/В.В. Склабан// Родина. - М.,2007. - № 9. - С. 80 – 84.
85. Тархова, Н. С. История крестьянства в российских документальных публикациях за последние 15 лет / Н.С. Тархова // History of Russian Peasantry in 20<sup>th</sup> Century. - Токио, 2004. - Р. 118 – 138.
86. Уиткрофт, С.Г. Кризис в советском сельском хозяйстве (1931–1933 гг.). Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар / С.Г. Уиткрофт, Р.У. Дэвис // Отечественная история. – М.,1998.– №5. - С.90–96.
87. Уолтер, Д. Кремль и народ (фрагмент) / Д. Уолтер // Политика и лингвистика – №3 – Екатеринбург, 2011. – С 268 – 273.
88. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. - М.,РГГУ. - 1996. - С. 298 – 332.
89. Цаплин, В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы / В.В.Цаплин // Вопросы истории. - №4 – М.,1989. – С.175 – 181.
90. Цаплин, В. В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов / В.В. Цаплин // Вопросы истории. 1991. – М.,1991 - С. 152-158.
91. Чеботарева, В.Г. Советские немцы: история и современность / В.Г.Чеботарева // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Москва, 15 – 16 ноября 1989 г. - М., 1990. - С. 30-37

- 92.Шолохов, М. А. «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти» (Публикация Ю. Мурина) / М.А. Шолохов // Родина. - 1992. - № 11 – 12. - С. 51 – 57.
- 93.Шубин, А.В. 10 мифов Советской страны / А.В. Шубин // Родина. - 2007. - №8. - С. 88 – 89.
- 94.Щербак, Ю. Н. Царь – Голод / Ю.Н. Щербак // Собеседник. – 1988. - № 49 – С.38 – 42.
- 95.Dalrymple, D. The Soviet Famine of 1932 – 1934 / D. Dalrymple // Soviet Studies. – XV -1964. – P. 250 – 284.
- 96.Kazmina, M. V. Russian historiography of the turn of 20 Th 21 ST centuries about the 1932 1933 famine in the USSR / M.V. Kazmina // Вестник КемГУ. - 2014. - №3 (59). - С.122 – 125.
- 97.Lynne, V. The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class, Winter 1929 – 1930: A Reevaluation of the Legislation / V. Lynne // Slavic Review. - Vol. 45. - №. 3 - P. 503 – 524.
- 98.Lynne, V. Guide to Document Series / V. Lynne // A Researcher’s Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s. - New York, Armonk. 1990 - P. 105 – 132.
- 99.Mace, J. The Man-Made Famine of 1933 in the Soviet Ukraine: What Happened and Why? / J.Mace // Famine in Ukraine, 1932 – 1933. - Edmonton.: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1986. - P. 78-89
100. Mace, J. Is the Ukranian Genocide a Myth? / J. Mace // La mortedella terra. La grande “carestia” in Ucrainanell 1932 –33. - Viela, Roma, 2004. - P. 407 – 415.
101. Mace, J. The Famine of 1933: A Survey of Sources / J. Mace // Famine in Ukraine 1932 - 1933. - Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1986. – P. 25 – 63.

102. Merl, S. Entfachte Stalin die Hungersnot von 1932-1933 zur Auslöschung des ukrainischen Nationalismus? Anmerkungen zu neueren westlichen Veröffentlichungen über die "ukrainische" Hungersnot /S. Merl// Jahrbücher für Geschichte Osteuropas – 1989. - 37(4). – P. 569 – 590.
103. Wheatcroft, S. More light on the scale of repression and excess mortality in the Soviet Union in the 1930s / S. Wheatcroft // Stalinist Terror: new perspectives - Cambridge University Press, 1993. - P. 280- 290.
104. Wheatcroft, S. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930 – 45 / S. Wheatcroft // Europe-Asia Studies. -1996. - №8. – P. 1319 – 1353.